

Дмитрий Леонтьев

# БОЛЬШАЯ Е

ГРЯЗНАЯ ИГРА

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Дмитрий Леонтьев

## Большая Е

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=64940566](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64940566)*

*SelfPub; 2021*

### Аннотация

В книге использованы фрагменты произведений: Н.В. Гоголь «Мертвые души» и «Бхагават-гита» и повествует в основном о простых человеческих радостях, порой переходящих в невинные извращения. Содержит нецензурную брань.

# Дмитрий Леонтьев

## Большая Е

### Пролог

В начале восьмидесятых будущее представлялось нам безмятежным. Мы воображали идеальных людей в серебристых комбинезонах. Обиталища с белоснежными интерьерами. Рацион со стерильной едой из тюбиков. Досуг с вечерними полетами на Марс, полюбоваться закатом. Как же мы ошибались тогда! Наивные романтики. Сегодня наши грезы стали скупы и безнадежны как гороскоп неудачника. Мы живем одним днем и вдохновляемся картинками из Инстаграма. Заглядывать за горизонт нынче глупо, да и, честно говоря, большинству просто лень. Однако автор сделал над собой усилие. Не из праздного любопытства, конечно, а в поисках сюжета для новой книги. Полетал над Москвой 2030-х, узрел и одобрил новую концепцию Кремля, целиком отданного под музей. Порадовался алкогольному кластеру, занявшему территорию бывшей Администрации президента от Китай-города до Красной площади, куда, дабы не беспокоить горожан, поместили все заведения, работающие после одиннадцати вечера. Удивился разветвленной сети канатных дорог, перекинутых через Москву-реку, и даже прокатился в

гондоле от Речного вокзала до Сходненской. Насладившись столичными нововведениями, решил заглянуть туда, где литературных историй всегда было в избытке – на Лубянку, в здание ФСБ, то, что с часами на фронтоне и тюрьмой во дворе. Зашел внутрь, побродил по коридорам. Толкнул дверь с табличкой «Отдел по борьбе с экстремизмом» и обнаружил одинокого, грустного лейтенанта. Представьте себе, в некогда бойком и шумном подразделении Конторы остался один офицер. Так, так... зацепка. Видите ли, золотой век политического сыска закончился. Ловить и склонять к сотрудничеству стало некого. Правительство перешло в электронный формат и превратилось в еще одно приложение в телефоне. Безразличие к власти накрыло страну. Чем же занят президент? Нашел работу в шоу-бизнесе. Ведет старую добрую «Прямую линию». Вечные вопросы ведь никуда не делись, и люди по-прежнему хотят получить ответ от серьезного человека. А что творится в душе лейтенанта? Автор прислушался. Оказалось, бедняга, хоть и молод, но плачет по старым временам. Вспоминает, как раньше специализация на политике вызывала уважение коллег и способствовала повышению по службе. Нынче же полный бесперспективняк. В начале рабочего дня он даже не включает компьютер. Устав пялиться в черный экран, берет папку с чистыми листами и носит ее с этажа на этаж – вверх-вниз по лестнице, чтобы сослуживцы не смотрели, как на бездельника. Кое-как дотягивает до обеда, равнодушно принимает пищу, пьет компот.

Потом до вечера смотрит в окно и, зевая, просит Бога подарить ему хоть одно, пусть даже пустяковое дело. «Господи, прошу тебя, тебе же не жалко, ты, наверное, можешь...»

– Никуда не годится, – вздохнул автор. – Ищейка должна гнаться за кем-то, ловить и снова гнаться, а не протирать штаны, сидя перед пустым экраном. И решил было вернуться обратно в 2020-й год, ведь он терпеть не может скучные сюжеты. Но вдруг поднялся ветер, зашумела листва, и, вообразите, Господь услышал молитву офицера. Летел мимо, краем уха уловил и не остался равнодушен.

В Контору тут же поступил донос, что действуют в Москве некие тайные сообщества: одно под названием «Экскурсоводы», другое именуется «Сторожа». Стукач указывал на их прямую связь с гремевшими когда-то в 2010-х «либералами» и «патриотами». Чем именно грозили они государственной безопасности, доносчик не обозначил, но четко дал понять, что замышляют враги нехорошее, и лучше бы органам поостеречься. В конце письма имелась аккуратная табличка с фамилиями и адресами.

«Превосходнейший стук, лейтенант, снимай паутину с решеток, закатывай рукава и заполняй камеры!» – мысленно подбодрил автор героя. Однако, переборщил Господь с креативом, а может, враг человеческий Сатана смутил разум офицера, но в итоге решил оперативник, что все это не настоящему. Подумал, смеются над ним сослуживцы, и донос сей выбросил, в сердцах пожелав шутникам нехорошей

болезни и недолгих лет.

– Немощен человек, слаб духом и, увы, недалек, – раздосадовался автор. – Даже когда помощь приходит из самой высокой инстанции, он отвергает ее и еще сильнее погружается в бессмысленность и скуку будней. О, читатель, обращаясь к Богу, не витай во второстепенных эмпиреях. Будь бдителен после молитвы!

## Часть первая

1

*– О лучший из дважды рожденных, вчера мне звонили из военкомата, сказали: знаем, арабским языком владеешь, ждем тебя с нетерпением, Родина зовет. Николай Николаевич, мне тридцать пять лет, поймите правильно, я свое отмотал в сапогах. Вы обещали профессиональную армию еще пять лет назад. Я вегетарианец, я пацифист! Я не хочу губить свою душу!*

*– Как тебя зовут, юноша?*

*– Арджуна. Я из царства Куру.*

*– Тебе повезло, Арджуна, что ты родился в Куру. Это прекрасный регион. Помню, когда принималось решение провести там Олимпийские игры, финансовый блок пытался урезать инвестиции. Мне говорили, это никогда не окупится, но я все-таки настоял, и вот, не ошибся. Сегодня Куру – один из лучших регионов России, сюда приезжают во-*

семь миллионов туристов в год. Это курорт мирового уровня, и мы намерены развивать его дальше. Что касается твоего вопроса, Арджуна, то о душе тебе не нужно волноваться. Ее невозможно погубить. Она бессмертна. Вечно юная, неиссякаемая, она живет с незапамятных времен. Тело рождается и умирает, а душа пребывает вовеки. Ее не пронзить оружием, не сжечь огнем, не утопить в воде и не иссушить ветром. Она не подвержена изменениям. Ты можешь возразить, мол, слышал по радио, что душа умирает. Но и в этом случае у тебя нет причины для скорби. Того, кто родился, неминуемо ожидает смерть, а тот, кто умер, – неминуемо родится, чтобы пожинать плоды прошлых поступков. Если жизнь существует лишь мгновение между рождением и смертью, зачем сожалеть о ней? Только помни, что это не избавляет от долга перед Родиной. И потому исполни предписанный тебе долг – сражайся. Для воина нет более достойного занятия. Особенно для того, кто знает арабский язык и имеет опыт управления зенитно-ракетными системами. Немногим воинам выпадает удача участвовать в таких сражениях, ибо это путь в рай. Если откажешься сражаться, ты пренебрежешь нравственным долгом и опозоришь себя. Великие войны будут смеяться над тобой и называть трусом. Враги будут презирать тебя и поносить унижительными словами. Ты ведь не хочешь этого?

Автору не хотелось возвращаться из будущего с пустыми руками, и, в пику скупающему лейтенанту, он проявил интерес к доносу, поступившему в ФСБ. В божественной кляузе его более всего заинтересовал главный подозреваемый в деле «экскурсоводов и сторожей» – экстремист Олег Пудрин. Персонаж смотрелся живо, нестандартно. Достойный кандидат, решил автор. На всякий случай оглянулся: нет ли за спиной других писателей, и утвердил его в качестве центральной фигуры. Начало положено. Теперь предстоит реконструировать путь Олега от законопослушного жителя Москвы до опасного преступника. Приступим.

Пудрин появился на свет неприветливой февральской ночью, когда акушеры поленились ждать естественных родов и ускорили их медикаментозной стимуляцией. Ребенка выбросило в этот мир внезапно, словно резким сигналом будильника. Будто бы с него сорвали одеяло и выставили на мороз – в палате были проблемы с отоплением. В результате у мальчика осталось чувство, что хорошо бы вернуться обратно, в прежние комфортные условия. Надо ли удивляться, что в итоге он прокладывал свой жизненный путь, так сказать, поближе к «теплым местам», будь они таковыми в прямом или переносном смысле. В частности, Олег всегда испытывал сильную тягу к еде и мудрым старикам. Эти две субстанции были суррогатами того самого тепла, к которому ребенок вынужденно был привязан с момента рождения.



«Еда и старики?» – удивился автор собственным мыслям. «Совершенно верно, – отвечал он сам себе. – Пища очевидно дарит тепло, если это не лимонад из холодильника, а старики... ох, они умеют очаровывать молодежь, и многие из них довольно горячи».

### 3

Пудрин рос в уютном столичном районе за Третьим кольцом, возле старого лесного массива. Это было счастливое время, когда люди в Москве не боялись есть дары городской земли. Во дворе его дома поспевало множество самых разных плодов, и он не упускал возможности отведать вяжущие рот яблоки-китайки, без меры поглощал мелкие жилистые груши, жмурился от кислятины-вишни и тащил в рот гроздь обволакивающей черноплодки. Двор напоминал колхозный рынок. Колонии черных слив тянули ветки к земле и манили его своей синевой. Он забирался прямо на дерево и почти целиком объедал его. А с шиповника, который сигнализировал ему ярким румянцем, он соскабливал зубами верхний вкусный слой. До внутренностей старался не догрызать, они волосатые и прилипают к слизистой.

Все лето в парке, распластавшемся от подъезда дома Олега до окружной дороги, можно было пить сладковатый березовый сок, жевать заячью капусту или, как ее еще называли, кислицу, и собирать шампиньоны, которые разрывали обочину дорог после дождя. А какими добрыми были ра-

ботники местного общепита! Как нежно они относились к детям. Всегда чем-то угощали. Пудрину с друзьями стоило только постучать в окно фабрики-кухни, что снабжала все точки парка ореховыми пирожными, и женщины-кондитеры щедро насыпали им стаканы теплого жареного арахиса. Когда орехов не хотелось, ребята отправлялись на хлебозавод. Перелезали через забор, стучали в окно цеха, и работницы в белых халатах протягивали им горячие, только что выползшие из печки батоны.

Аромат родного района у Олега всегда был связан с кондитерской фабрикой. От нее мощным потоком шел шоколадный дух, и когда ветер дул в сторону окна Пудрина, его комната наполнялась плотным запахом какао. Может, именно поэтому из всех конфет самыми любимыми были шоколадные. Но и другие поглощались безо всякой меры. Ирис «Кис-Кис», «Школьный», «Чебурашка». Один раз Олег съел полтора пакета «Чебурашек». Это пятьсот грамм! Еще больше его волновал глазированный сырок, который раз в неделю подавали на завтрак в школе. Сахар, творог и шоколад в одном флаконе творили с рецепторами юного существа чудеса.

И конечно же, с завидной регулярностью в молодой организм попадали пончики и чебуреки. Пудрин знал, что хороший пончик всегда неправильной формы и обязательно посыпан толстым слоем сахарной пыли, которую можно брать кончиком языка, как это делают муравьеды. Что касается чебурека, то его должно распирать от сока. Поэтому при его

поедании нужно стараться не брызнуть себе на штаны бараньим жиром. Впрочем, это все равно случилось.

4

Еда была источником бесконечной радости, праздником бытия, который, казалось бы, невозможно прекратить или испортить. Но злые силы не могли допустить торжества рая на земле, и они придумали полярную ночь. Жуткое время, которое длится в столице с ноября по март. О, читатель, если ты родился севернее Краснодара, ты знаешь, каково это: брести по темному переулку как по морозильной камере и меряться взглядом с черными крокозябрами тополиных обрубков. Полярным утром звонок будильника бил по маленькому Пудрину как отвратительный медицинский стимулятор, выбросивший его на холод в начале жизненного пути. Пробудившись, Олег лежал не открывая глаз и долго-долго приходил в себя, словно это его первый день в странном, непонятным образом навязанном ему мире. Умывшись и выпив чашку чая, Пудрин плелся по улице, а холод заползал в щели между ботинками и брючинами, между воротником и шейей, перчатками и рукавами, а сон липкими щупальцами все тянул и тянул обратно домой, в постель, в утробу. Первый урок, когда за окном класса царили сумерки, герой проводил словно наполовину живым, второй урок был лишь немного бодрее, и только к третьему уроку, когда солнце ярко освещало парту, его день по-настоящему начинался.

Мучения закончились через много лет, когда он поступил в институт. Освоившись в шкуре студента, молодой человек неожиданно понял, что можно не приходить к первой паре и за это никто не отчислит. (Так гениально, взять и поспать лишний час! – не удержался автор от комментария. – Выйти на улицу выспавшимся. Начать день, когда солнце уже греет. Это божественно.) Появилось время посидеть перед занятиями в кафе. Выпить чашечку ароматного напитка и закусить смородиновым желе. Металлическая ложка скользит по блестящей вазочке, чтобы оттянуть кусочек полупрозрачной массы, пахнущей ягодами. Оп! И кусочек отправляется прямо в выспавшийся организм. Это было для Олега истинным счастьем.

## 5

Пока Пудрин путешествовал от холода к теплу, от бодрствования ко сну и от одного блюда к другому, его ровесников увлекала иная материя – сексуальные отношения. Они добивались любовных побед и пересказывали их так сочно, что невозможно было не укрепиться в мысли: лучшего в жизни просто не существует. Олег не устоял перед навязчивой рекламой и тоже стал предлагать дамам заняться сексом. Дело оказалось сложным. Потребовалось много времени, чтобы получить в ответ: «Может быть. Да. Ну, когда-нибудь». Но молодой человек не сдавался, и после долгой осады буквально вымолил расположение одной из кандидаток.

Это случилось у нее дома. Закачался и звякнул колокольчик на двери ее комнаты, в воздухе поплыл аромат цветочных духов, ритмично заколыхались тени на обоях. Нет смысла подробно описывать данное мероприятие. Отведав распиаренных утех, Пудрин получил сильнейшее разочарование. Где обещанный океан сгущенки, в котором купаются ангелы? Где раскаты грома? К чему эти подергивания животного свойства, комические движения тазом, достойные собачки и унижительные для человека? Тема секса была задвинута в дальний угол. Но сердечные увлечения подобны водовороту. Пусть даже ты разочарован и все вокруг поблекло, но из этой пучины уже не выбраться.

Чувства коварны, они появляются ниоткуда и полностью подчиняют себе, хотя никто им такого права не давал. Олег начал страдать от одиночества, чего раньше за ним совершенно не наблюдалось. В холодное время года, когда тягость проявлялась особенно сильно, Пудрин садился на пол и прилегал спиной к батарее. Иногда он обнимал батарею. Это казалось ему более естественным, чем выпрашивать странную любовь у женского пола. Впрочем, нежность к радиатору была лишь началом большого пути, о котором он не подозревал в самых смелых фантазиях.

Первый сексуальный опыт показал, что сверстникам доверять нельзя. Они либо обманывают, либо вообще не в кур-

се истинного положения вещей. Олег потерял интерес к общению с приятелями и все больше времени посвящал радиатору отопления. Батарей не только дарила ему тепло, но стала его лучшим собеседником. Он шептался с ней вечерами, держал ее в курсе всех жизненных пертурбаций: рассказывал подробности курсовых работ, зачетов, экзаменов, жаловался на преподавателей, делился перспективами будущей работы и бесстыдно поглаживал ее горячие ребра.

Закончив институт, Пудрин поступил на службу, получил хороший оклад и съехал от родителей, сняв комнату в центре Москвы. На новом месте он прежде всего обратил внимание на батарею. Внимательно осмотрел ее, потрогал. Прислушался к своим чувствам, и понял, что ничуть не страдает от разлуки с прежней пассией. Больше того, ему показалось интересным потискать новую. Привязанности к конкретному радиатору он не испытывал. Ему просто нравилось тепло.

Через год пребывания в съемном жилье в его судьбе случился переломный момент. Один из ленивых столичных ураганов, который не грозил городу ничем, кроме массовой рассылки СМС от Министерства чрезвычайных ситуаций, со скуки повалил в центре несколько деревьев. Одно из них росло в Хохловском переулке перед домом Пудрина. Согнувшись, оно обнажило фасад здания, который раньше еле проглядывал сквозь ряды веток. Вернувшийся вечером с работы, Олег застыл посреди улицы. Чудо предстало перед ним во всей своей откровенной, голой красоте. Он залюбовался.

В реальность его вернул толчок пьяного прохожего. «Простите», – непонятно зачем извинился Пудрин перед нетрезвым гулякой и зашел в подъезд. Поднимаясь по лестнице, он провел рукой по стенам и перилам. Дому было сто двадцать лет. Тогда еще умели строить привлекательные жилища.

В комнате Олег посмотрел на радиатор отопления. «Какая приятная, но сколь незначительная часть этой великолепной конструкции», – промелькнуло в его голове. От сей мысли было совсем недалеко до следующей: вожаденное тепло он получал вовсе не от батареи, которая теперь представлялась простым куском чугуна. «Весь этот дом любит меня, – подумал Пудрин, – и не требует ничего взамен». И глаз его загорелся. И дрожь прошла по телу.

7

*– О Лотосоокый, я сдерживаю себя, но меня неумолимо тянет к иностранному контенту. Я старался петь «Черный ворон» и даже записался в народный кружок водить хороводы, но каждый вечер, приходя домой, я все равно включаю Led Zepplin. Николай Николаевич, дайте мудрый совет, как быть. Помогите обрести жизненную линию, укажите путь.*

*– Арджуна, ты искренний парень, многие побоялись бы в подобном признаться. Ты силен духом, хоть и пытаешься себя принизить. Я тоже вечерами слушаю Deer Purple. Да, да... и после этого мне всегда хочется пойти к киоску*

у метро. Иногда даже я это делаю, и, как ты понимаешь, скоро возвращаюсь обратно, ведь киосков давно нет. Эти фантомные боли! Как избавиться от них? Путь к освобождению у нас у всех один, и ты наверняка знаешь его, просто забыл. Когда разум сосредоточен на служении Родине, он умиротворен. Невежественные люди игнорируют истину, взирая на мир глазами похоти, они отвлекаются на маловажные вещи. Эти глупцы живут ради удовольствий. Их цель – богатство, чувственные наслаждения и прочие приятные вещи. Они очарованы сладкими, но ядовитыми словами о пышном хлебе и зрелищах. Дурачки, они не ведают, что творят! Истина находится не по ту сторону добра и зла, как им хочется верить, она находится на нашей стороне. Но есть трудности, и здесь я с тобой полностью согласен. Граждане, те, кто пока не вкусил пленительной красоты Родины, они не способны бесконечно противостоять натиску заграничных удовольствий. Мысль о наслаждениях живет у них внутри. Но если ты доверился Мне, ты естественным образом обуздаешь чувства. Не пытайся сделать это самостоятельно, будь разумным парнем – попроси Меня. Тебе не совладать в одиночку. Неспособность удовлетворить желание порождает гнев. Гнев ведет к умопомрачению. Умопомрачение ведет к беспамятству. Отсутствие памяти лишает разума, а когда нет разума, ты теряешь все. Как говорится, что день для умиротворенного, то ночь для искателя удовольствий, что день для глупца, то ночь



Олег увлекся архитектурой еще в начальных классах. Интерес к созерцанию прекрасных строений разбудил в нем школьный экскурсовод. Тот никогда не загружал детей фактами научного свойства: всеми этими днями рождения и годами жизни именитых жильцов. Его рассказы больше напоминали кулинарную книгу. Остановившаяся возле симпатичного домика, старый гид откидывал седую голову и, сладко причмокивая пухлой еврейской губой, произносил: «Вот здесь, посмотрите, купец сделал себе балкон, чтобы пить чай с баранками. Хотел, чтобы за этим занятием его видел весь город. А хозяин вон того дома, видите, переборщил с лепниной. Если половину ее убрать, смотрелось бы гораздо лучше». Пудрину хотелось слушать это снова и снова – бесконечно смаковать подробности пряничных наличников, портиков с колоннами, деревянных лестниц... И вот оттуда, от невинного детского удовольствия, вызванного гастрономическим подходом к описанию домов, протянулась прямая дорога к взрослому вожделению, направленному на прелести архитектурных сооружений.

Что есть дом? Место для жизни. Хотя многие успевают лишь поужинать и поспать в своем доме – нет времени даже на завтрак. Для нашего героя дом превратился в любовный объект. Пудрин гулял по улицам, и городские строения по-

рождали в нем эротическую страсть. Восхищение фасадами быстро перешло в тактильный контакт. Вечерами, когда становилось меньше прохожих, Пудрин трогал руками нижние этажи, а ночью, когда тротуары пустели, он льнул к понравившемуся дому всем телом и долго-долго обнимался с ним, как с теплой зимней батареей. Один раз он даже лизнул дом, но так засмутился, что щеки его покраснели. Дабы не фраппировать прохожих, Олег стал искать более малолюдные места между Бульварным и Садовым кольцом, где без лишнего внимания можно было отдаться своему новому увлечению.

## 9

Школьный экскурсовод Пудрина говорил, что красота здания многогранна. «Дети, если вы хотите в полной мере насладиться произведением архитектуры, вы должны смотреть не только на форму. Большое значение имеет цвет, а точнее, то, что стоит за цветом, его смысл». Помня уроки старого гида, Олег все глубже погружался в тему и однажды открыл, что в городском колористическом хаосе обнаруживается определенный порядок. Он обрадовался своему озарению как ребенок, и воображал, что однажды его пригласят в качестве эксперта на один из ютуб-каналов, где можно будет рассказать об обретенных знаниях.

Приняв картинную позу перед зеркалом, он вещал: «По моим наблюдениям, гамма столицы имеет три базовых оттенка: желтый, розовый и серый. Каждый из них является

целым цветовым направлением, поскольку четких стандартов, как в северной Европе, в России никогда не было. Если мы говорим о московском желтом, то это вся палитра от лимонного до бежевого. Если о сером, то это все от грязно-белого до светло-черного, а если о розовом, то придется включить в него варианты от кожи младенца до почти что фуксии. Мысля широко, вы усмотрите за сим многообразием лишь три основных колера. Обладая же склонностью к философии, с помощью цветового кода вы откроете тайны огромной страны от Крыма до Шикотана. Желтый – консервативный, властный и солнечный. Серый – оппозиционный, страстный и творческий. Розовый – природный, невинный, игривый». Устав маячить перед зеркалом, Олег ложился на диван и продолжал изрекать, глядя в потолок: «История желтого началась с Александра Первого. Он велел красить дома светлее, чтобы сделать российские города привлекательнее. С его легкой руки желтый растекся по Москве медовой рекой. Серый цвет пришел позже, с модерном, и стал цветом революции, шинелей и дыма. Серый не имел своей сути, а был лишь желанием затмить старую эпоху и быстро рассеялся, оставив после себя хаотичные архитектурные сгустки. Что же касается розового, то разборки между желтым и серым были ему неинтересны. Он воплотил в себе невинность и простоту помыслов народа той страны, где не принято говорить о сексе и избегают беседы о деньгах, где люди такие стеснительные, что прям боже мой. Где все должно быть при-

лично, как на детском утреннике». Потолок скромно помалкивал.

## 11

Ах, увлечения нашей молодости, они начинаются бурно, накрывают нас цунами впечатлений, но затем, когда волна отхлынет, мы недоумеваем: что это было? Так же случилось и с Олегом. Нализавшись штукатурки, протерев о стены несколько рубашек, он обнаружил себя растерянным. Вжиться по ночам в фасады ему надоело. Хотелось чего-то большего. Рациональная часть подсказывала ему, что неплохо бы забыть о столь странном увлечении и, уподобившись обывателю, начать обычную традиционную жизнь. Смириться с блеклостью общепринятой эротики, жениться и провести свой век по-человечески нормально. Пусть скучно и бессмысленно, но... Нет! – отвечала творческая половина Пудрина. Этому не бывать! Но что делать дальше, он не знал. Пытаясь найти ответ, Олег начал посещать городские экскурсии. В глубине души он надеялся встретить того, кто бы заменил ему пожилого гида из детства и, возможно, показал бы выход из его сегодняшнего шаткого положения.

Дорогой читатель, если ты ходил на экскурсии в центре города, ты знаешь, как это бывает. Обычно они начинаются возле памятника. Прибывает несколько тетенок с большими сумками, приезжает девушка на самокате, обязательно приплетется непонятного возраста малопривлекательный

мужик с унылым взглядом и подойдет молодая пара, которая больше обнимается, чем слушает. На улице немного холодно или жарит солнце и, когда гид долго объясняет, почему граф Шереметьев не любил позолоченные подсвечники, хочется присесть на скамейку и скинуть ботинки. Примерно так все и было в тот день, когда Олег попал в группу к Абраму Григорьевичу – экскурсоводу с трудно выговариваемой фамилией Эпкин.

Пудрин сразу понял – старик именно тот, кто ему поможет. Абрам Григорьевич игнорировал помпезные здания и людные улицы, сворачивал в тесные переулочки и там подходил к невысоким приятным домикам, рассказывал свои истории и гладил строения руками. Глаза его при этом влажно блестели. Олег замороженно следил за ладонями старика, когда тот без стеснения ласкал стены особняка с кариатидами в Печатниковом переулке.

Пудрин подождал, когда группа разойдется, и подошел с вопросом:

– Абрам Григорьевич, откуда у вас такая нежность к архитектуре?

Старик одернул руку, которой только что водил по бугоркам цоколя, и посмотрел на него с недоверием.

– Почему вам так интересно? – спросил он.

– Вы похожи на моего школьного гида. Я так любил гулять с ним по городу. А сейчас я немного запутался в своих чувствах, – ответил Олег и со значением провел ладонью по

стене.

Взгляд старика смягчился. Он приблизился и прошептал Пудрину на ухо:

– Приходите в пятницу вечером в Кинотеатр повторного фильма. Будем отмечать профессиональный праздник. Вам должно понравиться.

Левый уголок его рта застыл в скабресном изгибе.

12

*– О Сладчайший, я занят волонтерской деятельностью и последние годы отдавался ей без остатка. Однако у меня появилась склонность ко внутреннему совершенствованию. Меня беспокоит вопрос: не повредит ли моя духовная практика моим патриотическим убеждениям? Николай Николаевич, как мне укрепиться в медитации и остаться полезным обществу?*

*– Ты затронул тонкий вопрос, Арджуна. Деятельность, совершаемая не ради себя, а ради Общества, называется жертвоприношением. Любая другая деятельность, с какой бы целью она ни совершалась, привязывает тебя к миру рождения и смерти. Не возделей к плодам труда своего! Просто исполняй свой долг. Реально свободен лишь тот, кто безусловно предан Абсолютной Истине и трудится бескорыстно. Что касается меня, то Мне не к чему стремиться, ибо все принадлежит мне. Я – Владыка всего сущего. Однако, ты удивишься, но даже Я обязан действовать, а*

*не сидеть целыми днями в позе лотоса. Если Я перестану действовать, люди, последовав за Мной, откажутся исполнять свой долг. Если Я пренебрегу долгом, то, следуя Моему примеру, люди откажутся от своих обязанностей. Таким образом, из-за Меня в обществе воцарится смута и на свет появятся нечестивцы. Я буду повинен в том, что испортил целые поколения. О Арджуна! Мудрый россиянин, чей разум обращен внутрь, должен учить людей бескорыстию. Самый большой грех – смущать невежественных людей рассказами об Освобождении. Истинная свобода в том, чтобы работать, не привязываясь к плодам своего труда. Другой вопрос, что свои труды хорошо бы кому-то посвятить, чтобы они не оказались совсем бесполезными. Поэтому посвяти всю свою деятельность Мне. В таком сознании ты избавишься от чувства собственности и скорби. И помни: кто не прислушивается к Моим словам, тот безумен, тот пребывает в невежестве и обречен на гибель. Кто не прислушивается ко Мне, тот становится рабом дурных склонностей, перестает бояться законов и полиции, и в конце концов умирает в грехе и неизвестности. Понял?*

13

В пятницу вечером Пудрин распахнул шкаф. Гардероб молодого человека не отличался разнообразием. В наличии всего два пиджака. Один широкий, по-домашнему удобный, помнится, был куплен с расчетом поддевать под него

толстовку во время арктического вторжения. Другой тесный, официальный, на случай парадного мероприятия. Узкую одежду Олег не любил, но формат предстоящей встречи диктовал свои условия. Придется потерпеть.

Следующий вопрос был сложнее: как добраться до места? Пройти от Хохловского до Никитских можно миллионом разных способов. Вот, например, обойти пруд на Бульварном кольце справа или слева? Справа красивее. Перспектива приятная, здания отражаются в воде. Слева так не полюбишься – мешает дебаркадер с рестораном. Вместе с тем левая сторона чище. Там меньше бомжей, пьяных типов и даже голубей не так много. Олег поколебался и мысленно обошел пруд справа. Затем свернул с бульвара в Кривоколенный, где остановился у рюмочной «Свобода». Владелец этой забегаловки – широкой души человек и провокатор – однажды предложил выпить бесплатно девять стопок, только поставил условие, чтобы за раз. Пудрин трусливо отказался. Перейдя через Мясницкую, он миновал 40-й гастроном, где когда-то затоваривалась вся Контора. Кутаясь от холодного ветра, вышел на Кузнецкий. Здесь уже давно не встретишь людей «в лаковых». Власти положили столь крупный булыжник, что по нему не захочешь ступать в чем-либо модном – лучше всего в кедах. Чуть не поскользнувшись на раскатынном ногами прохожих льду, повернул на Неглинную и через нее попал на Петровские линии со странноватой гостиницей «Будапешт» и секретным баром в подсобке лапшич-



ной. Полюбовался в Столешниках на буйство иллюминации, спустился в подземный переход под шумной Тверской, ускорив шаг, прохватил по Вознесенскому мимо англиканского костела, в котором почему-то нет витражей (может, королева пожалела денег, чтобы восстановить), поднялся вверх по Герцена и прибыл к конечной цели – Кинотеатру повторного фильма.

Мысленное путешествие не удовлетворило Пудрина. Получилось буднично, суетливо. Хотелось больше торжественности. Шел-то ведь на праздник. Пришлось все переиначить. Олег оделся, покинул дом и промаршировал с Хохловского до Солянки, по дороге почувствовав себя эдаким небожителем, спустившимся с облаков на землю. По Старой площади перешел на Варварку, втянув со стороны гнезда Романовых небольшую долю трагизма. Растворил свое эго в величественном бассейне Красной площади и смешал его в дебрях Манежной с торговой повседневностью. Затем поднырнул под Охотным рядом, чтобы вынырнуть возле офиса профессора Персикова. Чуть выше, на Большой Никитской протиснулся между студентами журфака и прихожанами, в середине разминулся с театрально-концертной публикой и полицейскими чинами с Газетного, а в конце – с лоснящимися посетителями дорогих ресторанов. И вот на финишной прямой – здание Кинотеатра повторного фильма. В дверях охранник.

– Я от Абрама Григорьевича, – сказал Пудрин. И был про-

Фойе пустовало. Стойка с приветственными напитками блестела лужицами шампанского. Из древнего динамика на стене словно сквозь вату доносилась песня группы «Земляне»: «А снится нам трава, трава у дома, зеленая, зеленая трава». «Не опоздал ли?» – засомневался Пудрин. Взял бокал игристого со стойки и, разглядывая потолок с лепниной и широкую лестницу с массивными перилами, не спеша выпил. «Может, наверху кто есть?» Пудрин поднялся на второй этаж и толкнул дверь с надписью «Зрительный зал». Ба, да здесь полный аншлаг! Все места заняты. Какие же странные типы тут собрались. Винтажные пиджаки, бархатные бабочки, вышедшие из моды брюки с подтяжками... Кто-то даже смотрел на сцену через антикварный монокль. Где он его откопал? Примостившись на откидном кресле в последнем ряду, Пудрин с любопытством продолжил изучать публику. Средний возраст участников мероприятия, как он определил, примерно лет восемьдесят. Годы давали о себе знать. Гости рассеянно клевали носом, а некоторые так даже и вообще давали храпака. Среди экскурсоводов не оказалось ни одной женщины. Только Пудрин отметил этот факт, как из-за кулис на сцену вышел Абрам Григорьевич. Публика зашевелилась. Послышались жидкие хлопки.

– Друзья! Я рад, что большинство их нас, кто пока еще

ходит самостоятельно, смогли подняться на второй этаж, – обратился он к залу с улыбкой. Ответом ему были одобрителльные вздохи.

Докладчик напомнил об истории первых экскурсий в Москве, отдал честь ушедшим в небытие гидам, сказал добрые слова в адрес городских властей за поддержку сообщества, особенно выделив при этом финансирование мэрией аренды здания кинотеатра и выделение денег на праздничный ужин. В середине приветственной речи проснувшиеся было зрители снова заскучали. Официальная часть по обыкновению не блистала разнообразием.

Сосед проскрипел Пудрину на ухо:

– Молодой человек, вам ли слушать эту тягомотину? Идите наверх. Там наверняка уже поставили аттракционы! – При слове «аттракционы» старик сально улыбнулся.

Олег для приличия посидел еще немного, затем вышел и поднялся по лестнице. Холл на третьем этаже освещали несколько потрескавшихся абажуров. Сияние тускловатых ламп падало на некрасивые фикусы, доживающие свой век на широких подоконниках. На ближайшей двери висела картинка с желтым одуванчиком. Бумажка была приклеена криво, очевидно, при помощи старческого глазомера. Пудрин толкнул створку и увидел черный куб размером с платяной шкаф. На каждой стороне артефакта – по два круглых отверстия. Олег вспомнил, что нечто подобное было в порнофильме «Вечеринка Люси». Там внутри похожей конструк-

ции танцевала хозяйка в неглиже, и гости жадно тянулись к ее извивающемуся телу. Пудрин просунул руки внутрь. Свет в комнате потух. «Это что?! – дернулся он. – Лампа перегорела?» В кубе он нащупал макет Большого театра. Скульптура Аполлона на фронтоне не давала ошибиться. Он вынул руки. Лампа в комнате зажглась. Олег еще несколько раз повторил маневр с руками и убедился, что включение и выключение света происходит именно по этому алгоритму. «Ерунда какая-то», – разочаровался он и покинул комнату. Снаружи успела выстроиться цепочка экскурсоводов. Один из стариков хитро глянул на новичка и спросил:

– Надеюсь, молодой человек, вы там не слишком увлеклись?

Очередь глухо захихикала.

Пудрин поспешил скрыться за следующей дверью, на которой была приклеена картинка с серой мышкой в кокетливой шапочке. Там располагался белый цилиндр высотой в человеческий рост и диаметром около полутора метров. По всей окружности из него торчали окуляры. Возле каждого окуляра – стул и стойка с бумажными полотенцами. Олег снова отметил про себя, что конструкция знакомая. Схожее он наблюдал в музее эротики на старом Арбате, там это называлось ретро-кинотеатром. Он прильнул к окуляру. Свет потух. Теперь это уже не смутило его. В окулярах крутился стилизованный под немое киноролик. Возле макета дома в стиле модерн под звуки джаза прохаживался мускулистый

негр и, не спеша, скидывал с себя одежду. Оставшись в одних стрингах, он повернулся к макету спиной, снял их и принялся тереться ягодицами о стену. Пудрин оторвал голову от окуляра, свет зажегся. Снаружи шумела очередь. Похоже, дверь блокировалась, пока внутри был посетитель.

На входе в третью комнату висел розовый кролик. В помещении стоял детский городок из мягких материалов, какой можно встретить в любом торговом центре. «Что я должен делать?» – растерялся герой. На фасаде надувного домика он обнаружил длинную вертикальную прорезь и просунул в нее руку.

Откуда-то с потолка раздалось кряхтение:

– Хе-хе-хе, ну ты, брат, попутал! Что мнешься? Дворянина из себя не строй! Залезай уже.

Олег усмехнулся: «Значит, нет здесь никакой электроники. Просто один из стариков наблюдает за комнатами и вручную управляет светом, да попутно еще и советы раздает. Как он сказал? Лезть внутрь?»

Пудрин забрался в щель. Дальше за домом шел туннель, покрытой какой-то слизью. «Что за хрень?» Он долго полз и успел запаниковать. «Это когда-нибудь закончится?!» Выбравшись наружу в дальнем конце комнаты, он отчаянно выругался.

раоке, и вместе с публикой Абрам Григорьевич подвывал в микрофон: «И как приятно возвращаться под крышу дома своего, под крышу дома своего...» После аттракционов Пудрину хотелось опустошить пару-тройку бокалов. Страхивая с пиджака куски слизи, он прошел в фойе.

Первую дозу опрокинул залпом, вторую – в два глотка. С третьим бокалом прошелся взад-вперед, пытаясь принять решение: уйти ли прямо сейчас или дожидаться ужина?

– Как аттракционы в этом году? Говорят, придумали нечто особое? – спросил его незнакомец-экскурсовод, одиноко сидевший за столиком. – Подсаживайтесь.

Олег плюхнулся на стул.

– Я вас раньше не видел. Кто вас привел?

– Абрам Григорьевич.

– Все еще ищет мессию, – загадочно протянул старик. – Никак не уймется.

Пудрину уже было достаточно пережитого на третьем этаже и переспрашивать насчет мессии он не стал.

– А вы почему не наверху? – из вежливости поддержал разговор неофит.

– Прыть уже не та. В былые годы я в первых рядах заходил, а сейчас уже и по лестнице трудно подняться. Эх, молодость. Помню, в 1996-м подобрался к усадьбе Поленова. Вечер, тихо. Только спустил штаны, из-за угла собака! Ротвейлер. Как бросится на меня. Еле увернулся. С голой задницей почти километр удирал, – с ностальгией произнес старик.

«С меня хватит», – подумал Пудрин.

Залпом осушил бокал, и направился к дверям, на ходу натягивая пальто. На улице дул холодный ветер. В окнах здания ТАСС, что напротив, отражались огни светофоров.

Из-за спины послышался знакомый голос:

– Олег, вы куда? Подождите. Что-то случилось? Я только хотел уделить вам внимание. – Абрам Григорьевич поймал его за руку.

– Все нормально, – сдержанно процедил Пудрин.

Он не любил конфликтов и предпочитал уходить по-английски. Однако шампанское развязало язык.

– Эти старики, они что, извращенцы? – вырвалось у него. – Один мне только что рассказывал, что спустил штаны возле усадьбы!

– Олег, зачем так много эмоций? Этим людям нравится архитектура. Они не могут жить без нее.

– Они маньяки! – бросил Пудрин. И побрел прочь, вниз по Никитской.

Любовь к домам? Ну, конечно, Олег и сам грезил о ней. Это занимало его ум. Только ведь не так же. Без похабщины. Он мечтал, что когда-нибудь романтическим образом под сенью струй соединится с симпатичным домиком, у которого есть своя история... Но вдруг оказалось, что целое полчище стариков ничтоже сумняшеся трахают дома, приспуская штаны. Да как они смеют! Похотливые чудовища!

Хмель хозяйничал в организме Пудрина и рождал вопро-

сы: как это они делают, вот просто берут, и что? Он свернул в переулок около дома Станиславского. Расстегнул брюки, обнажил член и махнул им, словно бы грозя дому. Вдруг над ухом раздалось: «Ах ты, сука, экскурсовод!» – и удар обрушился ему на затылок. Олег бросился бежать, подтягивая штаны, и на ходу сквозь боль улыбнулся. Быстро же ему пришлось узнать, как улепетывать с приспущенными брюками. Впереди замаячила Тверская. Топот преследователя утих.

15

*– О лучший из дважды рожденных, если кто-то из тех, кто выполняет Твои задания за рубежом, нарушит закон, достоин ли он славы? Может ли он стать героем или на его долю выпадет лишь презрение и позор? Николай Николаевич, внесите, пожалуйста, ясность в этот скользкий вопрос.*

*– Я одинаково расположен ко всем живым существам, у Меня нет ни друзей, ни врагов. Но если кто-то доверил Мне свою жизнь и связал себя узами любви ко Мне, то Я питаю к нему чувство любви и привязанности. Если человек дурного поведения отказывается от личной выгоды, удовольствия и свободы, и живет ради служения Мне, значит, его нужно почитать как святого. Если ты действуешь ради Меня, ты обретаешь бессмертие и никогда не погибнешь. Для обычных людей Я излагаю нормы поведения в священных писаниях. Но если ради Меня кто-то совершает предосудительный поступок, он – самый близкий Мой преданный. Объяви*



*об этом во всеуслышание, Арджуна. Обещай всем и каждому: кто вручил свою душу Мне без остатка, тот не падет жертвой греха. Если ты будешь говорить об этом и защищать честь Моих преданных, то принесешь себе великое благо. Ты сам станешь праведником и ощутишь вкус Божественного счастья. Преданные из Моего близкого окружения не связаны нормами нравственности. Им безразлично, как их поступки будут расценены, они давно порвали с дхармой и рискнули принять религию любовного служения Мне, по прав грех и праведность. А ты как думал!*

16

Прошло полгода с того дня, когда наш герой получил по загривку и спасся бегством. За это время мудрый Абрам Григорьевич сумел вернуть расположение неопита. Воистину – жизненный опыт, такт и терпение, присущие пожилым людям, творят чудеса. Он нашел Олега в соцсетях и отправил ему послание: «Мой юный друг, я искренне сожалею о произошедшем. Мне право очень неловко, что вам не пришлось по душе наш профессиональный праздник. Давайте забудем этот день и начнем с чистого листа. У нас с вами много общего, а в этом мире, согласитесь, так трудно встретить близкого по духу человека. Вы и я очень любим архитектуру, умеем наслаждаться атмосферой, которую она создает. Давайте встречаться, высказывать свои чувства и вместе восхищаться Москвой, ее прекрасными домами».

Игнорировать столь ненавязчивое и добродушное послание было невозможно. Знакомство было продолжено. Каждую неделю друзья гуляли по центру, показывали друг другу красивые здания. Олег расслабился, почувствовал себя в обществе наставника комфортно, безопасно. После променада они часто заходили перекусить в одно из уютных кафе в Столешниковом переулке. Пудрин пристрастился к пельменям с семгой, которые он запивал «Мохнатым шмелем», а Абраму Григорьевичу импонировал тот факт, что все столики в заведении оккупированы иностранцами. Вокруг итальянцы, немцы, англичане, и можно говорить, не понижая голоса. Никто не подслушает.

В одну из разгульных столичных пятниц, когда толпы обезумевших от томления в офисах москвичей съедают и выпивают недельные запасы ресторанов, клубов и рюмочных, друзья сидели в любимой пельменной, и Пудрин попросил наставника прояснить темные пятна, что остались у него с празднования Дня экскурсовода.

– Что за странные картинки висели на дверях аттракционов? – поинтересовался он.

– Сами изображения смысла не имеют, – ответил Абрам Григорьевич. – Главное, их цвет. Ты и сам должен знать. Случайные люди к нам не приходят.

Олега осенило, что рисунки соответствовали его любимым цветам. Кролик был розовый, мышь серая, цветок желтый. Цветовой код Москвы! Как же он сразу не догадался?!

Осушив пару стаканов «Мохнатого шмеля», Пудрин осмелел и спросил также об эпизоде в переулке, когда незнакомец его ударил и крикнул при этом: «Сука, экскурсовод».

– У меня что, на лице написана принадлежность к обществу?

Абрам Григорьевич погрузнел.

– Сторожа, – ответил он. – Мы любим дома. Они их охраняют. Раньше у нас был договор. Они нас не трогали. Сейчас набрали других, молодых. Я пытался выйти на контакт, но... Они думают, мы маньяки...

Глаза наставника наполнились слезами, но он взял себя в руки и поведал историю войны двух группировок. Рассказал, как старики в неравных боях страдали от ненавистных сторожей, как те издевались над пойманными экскурсоводами и как пожилых любителей архитектуры даже калечили. Теперь все, что осталось гидам, это раз в год развлекаться с помощью аттракционов.

Олег хотел было проявить сочувствие к несчастным пенсионерам, но услышав про аттракционы, только злорадно ухмыльнулся. Вскоре очередная бутылка «Мохнатого шмеля» зажгла перед ним мерцающую яркими красками надпись: «Зачем ходить вокруг да около? Проясни уже основной интимный вопрос. Пора говорить без купюр. Отбрось условности!». И пока справа кто-то кричал на польском, слева на немецком, а сзади на итальянском, молодой развязным тоном, скрывающим стеснение, перебил слезливые речи стар-

шего:

– Абрам Григорьевич, я, признаюсь, давно мечтал углубить свое общение с городом. Хочу стать как бы на шаг ближе к предмету своего увлечения. Вы можете в этом помочь?

Старик замолчал и опустил взгляд в тарелку с остаткамипельменей. Если бы вы пригляделись к нему в тот момент, то заметили бы, что он еще и задержал дыхание. Он так давно ждал этой просьбы. Теперь боялся спугнуть удачу.

– Единственное, что меня смущает, – продолжал Пудрин, – не получится ли в итоге как с женщиной? Не будет ли разочарования?

Абрам Григорьевич с облегчением выдохнул и помял своего протеже за плечо:

– Мой юный друг, во всей вселенной лишь четыре объекта для любви: человек, Бог, Президент и Дом. Человека ты уже пробовал, и тебе не понравилось. Ни к Богу, ни к Президенту, как я успел заметить, у тебя страсти нет. Очевидно, что твой путь – это путь экскурсовода.

Пудрин покачал головой.

– Я бы на твоём месте не сомневался, – пошел в атаку Абрам Григорьевич, от волнения перейдя на «ты». – Суди сам, если ты разочаруешься, то ничего страшного, останется еще пара вариантов для любви. А если откажешься, возможно, так и проведешь оставшуюся жизнь в одиночестве.

Звучало путано и выдавало в собеседнике нетерпение, но по существу возразить было нечего.

«Что я, собственно, теряю?» – подумал Пудрин.

– Я в вашем полном распоряжении, – пьяным голосом выкрикнул он и пошел к раздаче за еще одним «шмелем».

17

В десять утра в щель между занавесок комнаты Олега пробился луч солнца. Пробуждение после вчерашних излишеств не сулило ничего хорошего.

Черепная коробка гудела как шмелиный рой.

Еле оторвав голову от подушки, он получил в мозг два укола СМС-уведомления: «ПИК-ПИК!»

«Возле "Леруа Мерлен" через час», – пришло от старика.

Абстинентный Пудрин, не делая резких движений, поплелся умываться.

Дорога до строительного гипермаркета прошла безрадостно.

У входа омерзительно бодрый Абрам Григорьевич подхватил его под локоток и сразу принялся поучать:

– Экономить на материалах не стоит. Могут подвести в самый важный момент.

Герой с трудом толкал перед собой тележку и молил о том, чтобы это скорее закончилось.

В отделе скобяных изделий они выбрали шесть направляющих длиной семьдесят сантиметров, с резьбой на конце.

– Большинству из наших хватает и пятидесяти, – улыбнулся наставник, – но ты молодой, у тебя амплитуда больше.

Пудрин, хоть и не понял, о чем речь, но вымучил смайлик на похмельном лице.

В следующей секции они остановились возле рулонов с клеенкой.

Пудрин потрогал вспотевшей рукой ярко-оранжевый принт с жирафами, но учитель осадил:

– Запомни, никакого рисунка! Только одноцветная: желтая, серая или розовая. В твоём случае надо запастись сразу тремя. Ты еще не определился. Ну и просвечивать не должна, исключительно плотный должен быть материал.

Абрам Григорьевич отмотал нужный метраж, и положил в тележку несколько рулонов.

В отделе электроинструментов экскурсовод взял с полки самый дорогой аккумуляторный перфоратор.

– Предпочитаю немцев, они надежнее, – сказал старик. – И главное, компактные и легкие.

Захватив в придачу сверла, алмазные насадки, дюбеля и набор пластиковых заглушек, коллеги двинулись к выходу.

Все хозяйство весило около восьми килограммов и помещалось в сумку на колесиках, которая была приобретена здесь же, у кассовой зоны.

«Похоже, грядет серьезный вандализм», – рассеянно подумал Пудрин.

Ему хотелось одного – как можно быстрее дойти до ванны и погрузиться в пену с банкой пива.

Абрам Григорьевич милостиво отправил его отсыпаться.

Измученный герой поплелся домой.

Всю оставшуюся субботу он пытался вернуть себя к нормальной жизни.

18

В воскресенье в десять утра Олега снова разбудило сообщение наставника: «У метро Сокольники через час». В пустоте внутреннего мира, образовавшейся после сна, эхом отразилось название района детства: Сокольники. Там он родился, учился, гулял по крышам, ездил на мопеде, ел песочные кольца, яблоки, груши, вишню, сливы с деревьев, горячий хлеб с хлебозавода и впервые обнял батарею. В ответственный момент жизни его снова забросило сюда в оазис многоэтажек у зеленого массива.

Дорога лежала через парк. Как же все изменилось с тех пор. Исчезла забегаловка с варениками, закрылась чебуречная, пропало кафе-мороженое. Вместо них открылись полухипстерские заведения с модной кухней. Единственное, что осталось из прошлого, это киоск с пончиками. Пудрин не мог пройти мимо. Какое счастье кусать мякоть, посыпанную пудрой, запивая горьким кофе из пластикового стаканчика! В процессе поедания было с удовлетворением отмечено, что наслаждение, как и в прежние времена, райское, с небольшой тошноткой в послевкусии. Классика жанра старорежимного общепита.

Откушав, компаньоны углубились в зеленые заросли, где

пряталось древнее советское бомбоубежище. Пудрин с детства помнил, что дверь там болталась на одной петле, воды было по щиколотку и повсюду валялись противогазы. Подобные места десятилетиями остаются в забвении. Словно бы охраняемые невидимой силой, они зарастают бурьяном и остаются вне внимания городских властей и случайных прохожих. Посещают их лишь любители «заброшки».

Абрам Григорьевич раздвинул траву перед входом и, пригнув голову, встал в нишу перед массивной входной створкой, которая, как и раньше, еле держалась на одной петле. «Все по-старому, – отметил про себя Пудрин. – А воды, небось, уже по колено». Абрам Григорьевич открыл сумку на колесиках, достал фонарь и две пары резиновых сапог. Откидывая в сторону мешающиеся под ногами противогазы, заговорщики прохлюпали по темным коридорам в дальний зал, где уровень пола выше и вода почти не мешала. У стены под железной лавкой стояла батарея бутылок, заросшая паутиной – следы чьей-то давней вечеринки. Пахло плесенью.

19

Абрам Григорьевич включил лампу, из тех, что используются для освещения туристического лагеря, и поставил на лавку. Мрак в убежище рассеялся. Затем со щелчком вставил в аккумуляторный перфоратор сверло.

– Смотри внимательно и запоминай, – сказал он, после чего молниеносно проделал в стене шесть аккуратных дырок.



Скорость, с которой Абрам Григорьевич управлялся с инструментом, была восхитительна. Старик ловко заправил в отверстия дюбеля, вкрутил в них штыри-направляющие и натянул на них клеенку, для надежности затянув ее по углам хомутами. Получилась конструкция, которой обычно прикрывают реставрационные работы.

– Теперь, когда твое убежище готово, можно спрятаться внутри и долбить главное отверстие, – объяснял учитель, меняя сверло на ударную буровую коронку. – Дешевые с победитовой наплавкой лучше не брать. Потеряешь больше трех минут. Я использую только с алмазными режцами: сорок секунд, и готово! Правда, потом еще надо керн выбить, но это дело техники.

Старик поднял клеенку, проник внутрь конструкции и через минуту продемонстрировал Пудрину отверстие, которое он успел проделать в стене на уровне паха.

– Теперь ты, – скомандовал гид.

Пудрину не удалось достичь проворности учителя. Провозился в два раза дольше, да еще и обессилел в конце.

– Ты потратил двадцать минут. Нужно в два раза быстрее. Будем тренироваться. – Абрам Григорьевич ткнул пальцем в таймер смартфона.

В бомбоубежище не хватало кислорода. Руки с непривычки дрожали. Норматив казался недостижимым. Но «тренер» требовал еще, еще и еще.

– На сегодня хватит, – через час прозвучала спасительная

команда старика.

Вспотевший и вымотанный Пудрин грезил о прохладном душе.

Так прошла целая неделя, потом еще одна.

На третьей неделе Пудрин уже не чувствовал боли в мышцах и лишь с азартом вгрызался в бетон. От алмазной коронки летели искры, из-под сапог – брызги воды.

Абрам Григорьевич снимал тренировки на видео и указывал на ошибки.

На четвертой неделе норматив был достигнут и даже перекрыт.

В течение восьми минут Пудрин сооружал симуляцию реставрационных работ, и затем, находясь под прикрытием клеенки, выдалбливал основное – широкое и глубокое отверстие.

Оставалось лишь научиться ловко сворачивать временное убежище экскурсовода и закрывать дырки пластиковыми заглушками, дабы горожане не жаловались на вандализм.

20

Перед тем как взять эту книгу, читатель, ты знал, что она об извращенцах. Иначе бы ты ее не открыл. И конечно, ты ждешь, когда наконец эти больные люди приступят к своим непотребствам. Немного терпения. Уже скоро мы опустимся на самое дно этих жутких проявлений человеческой физиологии. Момент почти настал. Пока же зайдем вместе с наши-

ми героями в интимный салон.

Современный секс-шоп прячется в темном переулке. Ему стыдно. Иногда его можно увидеть на магистральной улице в первом ряду, но там он смотрится как милиционер без трусов посреди Тверской. Вход в него греховен. Возможно, хозяева настолько порочны, что это проступает на «лице» лавки. А может, владельцы лишь имитируют порок, чтобы привлечь соответствующую аудиторию. Трудно понять, как на самом деле, но в результате большинство покупателей из числа среднестатистических граждан проходит мимо. Завидя распутную вывеску, приличные люди ускоряют шаг, отворачивают головы и делают вид, что разглядывают соседнюю булочную.

Абрам Григорьевич толкнул дверь в интим-магазин так буднично, словно бы заходил в метро. Пудрин смутился. Обменявшись с продавщицей дежурной шуткой, старик приобрел силиконовую «пещеру удовольствия» и протянул ученику. Преодолевая стеснение, Олег повертел коробку в руках. «Значит, опять обезьяньи подергивания? Нелепые фрикции, – обреченно подумал он. – Любить дом, это звучит красиво?» Однако сокрушаться было поздно, и он это понимал. Все уже решено. Обратной дороги нет.

В Москву пришла осень. Арктика дыхнула холодом. Сухие листья рассыпались по асфальту. Абрам Григорьевич

распорядился начать тренировки в реальных условиях – на улицах города. В качестве полигона был выбран район сосредоточения офисов и государственных учреждений между Китай-городом и Таганской, где после рабочего дня переулочки практически вымирали. Пудрин наивно решил, что этот этап будет легким. Но перфоратор гремел словно отбойный молоток, вид случайного прохожего провоцировал панику, адреналин впрыскивался литрами. К тому же теперь приходилось вставлять в главное отверстие силиконовый картридж из секс-шопа, а, как человек интеллигентный, он не мог просто так брать... ну, вы понимаете. Целый месяц привыкал. Зато в итоге управлялся столь заправски, как будто имел профессиональный разряд по превращению домов в объекты наслаждения.

22

*– О Победитель демонов! Я часто встречаюсь с представителями Запада. Они говорят, что нет ни одного природного явления, неподвластного вам, и восхищаются вами. Однако им неведом тот механизм, который вы задействуете в своей работе. Николай Николаевич, как мне просветить моих западных собеседников? Поведайте, в чем сила российской системы управления.*

*– О могучий Арджуна, Я сотворил все сущее и повелеваю всем. Благоразумие, знание, невозмутимость, терпение, правдивость, самообладание, умение не зависеть от об-*

стоятельств, радость, горе, рождение, смерть, страх, бесстрашие, ненасилие, уравновешенность, самоудовлетворенность, непритязательность, доброта, слава, позор – все эти состояния созданы Мною для граждан России. Семерых великих мудрецов во главе с Дмитрием Анатольевичем, четырех мудрых отроков во главе с Сергеем Кузусетовичем и четырнадцать прародителей Администрации во главе с Сергеем Владиленовичем – всех породил Борис Николаевич, которого Я произвел на свет в своем уме. Кто действительно понимает, что Я бесконечно могущественен, тот служит Мне с абсолютной преданностью. В этом нет сомнений. Я – чарующая Безусловная Красота. Я являю Себя в трех началах: как всеобъемлющий, всепроникающий и просто хороший человек. Я – Тот, кто обладает всеми силами и могуществом. С Меня начинаются всякое движение во всех сферах бытия. Если тебе по сердцу идея служения Родине, ты можешь войти в мир любовных отношений со Мной. Я – источник жизни для тех, кто беззаветно предан Мне. Многим невдомек, как именно я помогаю своим последователям. Это не составляет государственной тайны. Они черпают неиссякаемое блаженство в беседах обо Мне. Собираясь вместе, они обмениваются чувствами, которые испытывают ко Мне – дружескими, родительскими и любовными. Преданным слугам, которые отдали Мне себя без остатка, Я изнутри подсказываю, как преподнести Мне свою любовь. Ну, и, кроме того, чисто из сострадания

*Я рассеиваю тьму неведения, в которую они погружаются всякий раз в разлуке со Мною. Без этого никак.*

23

Олег так освоился в шкуре экскурсовода, что однажды не перестал сверлить, когда мимо проезжал полицейский патруль. Похоже, парень готов к самостоятельному плаванию – решил Абрам Григорьевич, и объявил о завершении курса.

– Что теперь? – спросил ученик. – Какие будут указания?

– Дальше ты сам. Мне больше нечему тебя учить.

Пудрин ждал этого момента, но оказался не готов зайти в открывшуюся дверь.

– Мне льстит ваше доверие... но ведь я еще не вошел... так сказать, не дошел до финала... Может, будет какой-то экзамен или ритуальное посвящение?..

Он чувствовал, что теряет опору.

Экскурсовод был непреклонен.

Твердое «нет».

«Как же так?! – мысленно метался Олег. – У меня еще столько вопросов, и каждый очень интимный!» Он даже не знал, как сформулировать свои сомнения – для этого потребовалось бы опустошить несколько ящиков «Шмеля».

«Почему, когда поддержка столь необходима, судьба-злодейка оставляет нас в беспомощном одиночестве?» – так мог бы воскликнуть читатель, и, глядя в засвеченное огнями московское небо, получил бы в ответ молчание.

В Москве повалил снег. Пудрин ходил по городу и выискивал дом, согласный разделить с ним радость первой встречи. Глаза метались по фасадам. Одни строения представлялись ему слишком надменными, другие казались непривлекательными, третьи будто бы не воспринимали его всерьез и смотрели мимо. Но однажды во время вечерней прогулки он заметил технологическое отверстие на флигеле Института философии. Прямо на уровне паха. Не нужно было даже сверлить. Можно ли остаться равнодушным к такой доступности, особенно когда ты столь неопытен? В тот же вечер он потерял невинность.

«Рано отправлять в историю то, что люди называют сексом», – думал удовлетворенный Пудрин, шагая с места совершения первого в своей жизни любовного акта с архитектурным сооружением. Довольство и приятная усталость наполняли его тело.

На следующий день он вернулся и снова забрался в убежище из клеенки. Ему понравилось дышать на неровную желтую стену, давить пальцами штукатурку, прижимать к ней лоб.

Он приходил еще и еще. Внешний мир перестал существовать для Пудрина. Осталось только интимное пространство и сладкая судорога, усталость и дорога домой по безлюдным улицам.

Охлаждение к Институту философии пришло через пару месяцев. Вечером он уже не предвкушал любовного свидания. Ему хотелось домой, завалиться на диван и смотреть мультимедийный ящик. Так кончается множество романов. Судьба взирает на трагедию отношений как корова на закат солнца. Равнодушно, жуя траву.

Однажды Пудрина отправили на отраслевую конференцию в район Павелецкой. Он вышел из метро и через два квартала остановился возле дома, фасад которого показался ему слишком наглым. Он обшарил его бесстыжим взглядом и, поймав ответные вибрации, шлепнул ладонью по стене.

– Сучка, – прошептал он, – жди меня вечером.

Можете догадаться, что он вытворял с ней в сумерках. Неловко об этом писать.

В другой раз по случайному делу Пудрин оказался возле Добрынинской, где наткнулся на миниатюрный беззащитный домик и сразу забыл о бестии с Павелецкой. Любовь к маленькой тихоне чуть не погубила его. На четвертом по счету свидании, потеряв контроль, он издал несколько полногосых стонов. Проходившая мимо сердобольная бабушка, подумав, что кому-то плохо, заглянула за клеенку. Увиденное настолько поразило ее, что она вытеснила этот эпизод из памяти и быстро потрусилась домой. А ведь могла вызвать полицию.



Надо ли нам знать обо всех любовных похождениях Пудрина? Достаточно и небольшой их части, чтобы понять, насколько молодой экскурсовод погрузился в эротический омут. Секс заполнил его жизнь. Каждое утро он фантазировал, какой дом будет следующим. Каждую ночь он возвращался уставший.

«Желтые дома дают мне опору. У меня с ними прочные отношения. Если архитектура – это застывшая музыка, то классический фасад словно играет гимн «Славься, Отечество...». Я негромко подпеваю, и, когда доходит до слов «нас к торжеству коммунизма ведет», к голове поднимается тепло, крупная дрожь проходит по телу, и я извергаюсь. После иду спокойно, уверенно, с чувством выполненного долга. Когда я трогаю розовый домик, в душе поет Алла Пугачева: «Встреча была коротка. В ночь ее поезд увез. Но в ее жизни была песня безумная роз...» И кончаю очень быстро. Серые здания звучат для меня подобно грому. Именно так в юности я представлял себе оргазм: тучи сгущаются, молнии сверкают, и я погружаюсь в потоки. Но связь с серым строением зыбкая, обманчивая, опустошающая», – писал он в своем закрытом от посторонних гостей интернет-дневнике.

Идиллия длилась недолго. Мы знаем, как жизнь смеется над сексуальными туристами. Этот сценарий известен. Мужчина пускается в беспардонный эротический слалом. Без

устали перебирает всех продавщиц сиропа в округе. А потом его поражает в сердце какая-нибудь недоступная лыжница, и он падает в черную пропасть, на дне которой неудовлетворенность, тоска и отсутствие смысла жизни. Пудрин не избежал сей участи. Они покорили его. Эти три красотки: Садово-Сухаревская 7, Садово-Сухаревская 7 строение 1 и пристройка между ними. Сам Господь раскрасил их в любимые экскурсоводом цвета: серый, желтый и розовый. Олег увидел их, проезжая в троллейбусе по эстакаде Садового кольца. Желтый домик – аристократичный, с аккуратными «сухариками» на цоколе. Розовый – игривый, с изящным круглым чердачным окошком. Серый – милый, с очаровательным эркером. Невозможно сказать, кто из них больше волновал Пудрина. Они были одинаково желанны. И недоступны. Внутри – детская музыкальная школа. Перед ними – людная пешеходная мостовая. Он ходил вокруг, словно кот возле сметаны. Встретился глазами с охранником. Тот посмотрел жестко: даже не пытайся. Недоступность... сколько мужских сердец погубила она. Слишком людно, слишком открытое место для утех экскурсовода!

Однажды Пудрин не выдержал. Отчаяние туманило разум. Приехал ночью. Вас когда-нибудь били электрошокером? Не игрушкой из дамской сумочки, а мощным, профессиональным? Сторож пустил заряд ему в спину, а потом еще добавил ногами по ребрам. Униженный, побитый, Олег побежал к Сухаревской, спотыкаясь. Обидчик орал ему вслед

проклятия.

27

Целый вечер проплакал молодой экскурсовод на плече у наставника. Абрам Григорьевич выслушал его излияния. Успокоил. Дал стакан воды и кое-что предложил. Пудрин почти ничего не разобрал из слов старика. Да, в общем, и не пытался. Стоило дать ему любой самый абсурдный план, который открыл бы путь к желанному, он бы немедленно согласился. Толком не поняв, на что именно подписывается, Олег крикнул: «ДА!». Черт побери, он готов на все.

– Абрам Григорьевич, дайте мне отведать моих красоток, и я ваш, берите меня без остатка.

Как же наивны и управляемы влюбленные. Помешанные на предмете своей страсти, они совершенно беспомощны перед гнусными кукловодами, возомнившими себя фортунной... Впрочем, не будем забегать вперед.

28

– *О Солнцеликий! Известно, что вы обладаете сверхъестественными силами. Николай Николаевич, прошу, сделайте так, чтобы мы могли увидеть ваш чудесный облик. Кто вы на самом деле?*

– *О Арджуна, сейчас Я предстану перед тобой в сотнях тысяч разнообразных и многоцветных образов. Ты увидишь двенадцать членов Кабинета, восемь министров, один-*

надцать судей Конституционного суда, двух прокуроров и сорок девять членов Совета Федерации. Ты увидишь многое из того, что недоступно обычному существу. В одном из Моих обликов ты увидишь сразу всю Вселенную, все будущее, с победами и поражениями, и все, о чем ты даже не догадываешься. То, что тебе предстоит увидеть, недоступно для обычных глаз. Я наделю тебя сверхъестественным зрением. Ты ощутишь Мое величие и по-новому увидишь Меня. Посмотри в мои бесчисленные лица, глаза и дивные образы. Облаченный в чудные одежды, Я держу в руках все мыслимые и немыслимые оружия. Мое тело украшено восхитительными гирляндами и умащено благоухающими маслами. Своим сиянием Я затмеваю все мироздание. Если бы на небе одновременно взошли тысячи солнц, их свет едва ли сравнился бы с сиянием, исходящим от Меня, принявшего облик вселенной. Смотри, Арджуна, ты видишь целую вселенную, свернутую в одну точку и переливающуюся бесчисленными гранями. Взирай в изумлении на Бога богов. Ты потрясен, Арджуна? Сложи ладони, склони голову и молись! Кстати, могу дать тебе примерный текст молитвы. Я бы на твоём месте молился следующим образом: «О Кришна, в Твоем теле я вижу богов и все виды жизни, всех мудрецов, и Бориса Николаевича, и Сергея Семеновича, восседающего на цветке лотоса. Ты – сама вселенная. Я вижу в Твоем простирающемся в бесконечность теле несметное количество рук, жизвов, ртов и глаз – у него нет ни начала, ни середины, ни

*конца. Куда ни брошу взгляд, я везде вижу Твои бесчисленные образы, увенчанные коронами, с грозными палицами и дисками в руках. Это зрелище не поддается описанию. Все вокруг озарено светом тысяч солнц и всполохами тысяч пожаров. Я ослеплен и не вижу ничего, кроме этого света».*

29

В этот день метель началась затемно. На работу москвичи пробирались сквозь снежную стихию. Потом наблюдали ее как зимнюю сказку из офисных окон. Любовались ей по дороге домой. Вернувшись с работы, заварили чай, приготовили макароны и уселись на диваны смотреть телевизор. Никто не заметил, как два экскурсовода вышли из такси возле Останкинской башни. Пудрин катил за собой сумку с перфоратором. Абрам Григорьевич нес папку с чертежами, рулетку и маркер. Целью их была будка трансформатора, прятавшаяся среди кустов в пятидесяти метрах от дороги.

Обычная маскировка из клеенки была не нужна. Видимость на улице из-за снежной пелены не больше десяти метров, да и прохожих в такую погоду нет. Абрам Григорьевич развернул чертеж и несколько раз приложил линейку к стене – ошибиться даже на полсантиметра было непозволительно.

– Здесь, – уверенно сказал он и поставил маркером красную точку.

Пудрин вынул из сумки алмазную коронку для сквозных отверстий – длинную, не меньше тридцати сантиметров – и

вставил в патрон перфоратора.

Шум инструмента растворился в порывах холодного ветра. Бетон поддался легко. Половину пути коронка прошла как по маслу. Затем наткнулась на арматуру. Пришлось поднажать.

Перед тем как вставить в отверстие картридж, Олег взял у Абрама Григорьевича ножик и отрезал от него «финальную часть».

Желанная троица с Садового-Сухаревской явилась перед мысленным взором молодого экскурсовода: розовый домик, серый... желтый... Он возбуждился и вставил член внутрь. Сначала немного боялся поранить любовное орудие о бетон, но затем вошел в ритм, и на несколько мгновений потерял связь с внешним миром, вознесшись к эфиру наслаждения.

К реальности его вернули глухие удары, раздавшиеся за спиной. Олег оглянулся. Огромный охранник в черной форме тяжело опускал кулаки на голову Абрама Григорьевича. Старик с трудом отмахивался, силы были неравны. Не выдержав атаки, гид застонал и упал в снег.

*— О Всемогуций, Ты один вмещаешь в Себя целую вселенную. Ты – высший закон. Ты – смысл жизни. Ты – Безусловная Истина, к которой призывают писания. Теперь у меня нет сомнений. Величие Твое беспредельно. У Тебя бесчисленное множество рук. Солнце и Луна – Твои глаза. Я вижу, как из Твоих уст вырывается огонь, опаляя вселенную, за-*

литую Твоим ослепительным светом. Ты заполняешь Собою все пространство между небом и землей и простираешься во все стороны света. Боги, склонившись в почтении, входят в Тебя. Министры, вице-премьеры, председатель Верховного Суда, бог ветра, Дзюба, ветераны, коммунальщики и буровики – все взирают на Тебя с изумлением. Они видят Тебя в образе вселенной исполинских размеров, с бесчисленными руками, ногами, животами. Они глядят в Твои бесчисленные лики с устрашающими зубами и глазами и приходят в неопиcуемый ужас. Глядя на Тебя, на Твои рты и огромные полыхающие глаза, они дрожат от страха и не в силах сохранять спокойствие и присутствие духа. В Твоем лике они видят огонь всеобщего уничтожения. Все плывет у них перед глазами, и земля уходит из-под ног. О убежище вселенной, сжался надо мной. Я вижу, как сыновья Запада и принявшие их сторону цари – Байден, Эммануэль, Ангела и все их военачальники – с размозженными головами застревают между Твоих зубов. Подобно рекам, несущимся к океану, они исчезают в Твоих пылающих ртаx. Как мотыльки, беспомощно летящие на огонь, все они несутся к неминуемой смерти.

Охранник поднял глаза на Пудрина. Не прекращая фрикций, молодой гид приготовился к наихудшему. Абрам Григорьевич из последних сил поднялся на колени. В руках старика блеснуло лезвие.

Сторож взвыл от боли.

– Давай, Олежек! – крикнул старик. – Кончай!

Но Пудрина и не нужно было подбадривать. Он понимал: сейчас или никогда. Ковать свое счастье! Его таз задвигался как швейная машинка. Сладкая судорога зародилась где-то районе копчика, она росла, росла...

*О Властелин чувств, весь мир с упоением славит Тебя! Достижение совершенства возносят Тебе молитвы, а демоны в ужасе разбегаются. Так и должно быть. О Всемогущий и Безграничный, о Бог богов, вместилнице вселенной, разве можно не преклоняться перед Тобой, если на Тебя молится сам творец мироздания Брахма? Ты – источник вездесущего сияния, из которого происходит и в котором растворяется все сущее. Ты порождаешь богов, Ты – последнее пристанище вселенной. Я склоняюсь перед Тобой тысячи раз, снова и снова. В Тебе сосредоточено все сущее. Кроме Тебя, нет ничего. Я падаю перед Тобой на колени спереди, сзади и со всех сторон. Ты – все, Твоя власть всюду.*

Охранник пополз к Пудрину, оставляя кровавый след на снегу. Но Олегу оставалось совсем немного.

– О! О-о-о-о!! А-А-А!!! – застонал в экстазе молодой экскурсовод.

Раздался страшный треск короткого замыкания. Будка трансформатора пустила густой столб черного дыма.



## Часть вторая

1

Весенний луч солнца растопил слежавшийся над берлогой снег, и на нос хозяина тайги упала первая капля. Шлеп. И проснулся медведь. Встряхнул с себя старые листья. Почувствовал голод. Побрел по лесу. Затрещали под лапами ветки. Спустился к реке, поймал рыбу. И закрутилось колесо жизни, делая новый оборот, и забренчала балалайка, застучали ложки, и забегал медведь по берегу, и возрадовался. Как гром среди ясного неба прозвучала новость о поражении ненавистных сторожей. Абрам Григорьевич лично обзвонил экскурсоводов. Голос его торжествовал. У стариков на том конце провода не оставалось сомнений, как именно они должны отпраздновать эту победу. В течение нескольких часов в строительных гипермаркетах закончились запасы аккумуляторных перфораторов. Истощился ассортимент направляющих, клеенки, дюбелей, сверл и алмазных коронок. В интим-шопах закончились картриджи для пещер удовольствия. Город затих в тревожном ожидании. Провода на столбах нервно задергались.

На следующий день в районе одиннадцати вечера в центре столицы появились экскурсоводы. Они шли прихрамывая, каждый к своему уже много лет присмотренному дому, и тащили за собой сумки на колесах. Кто-то из извращенцев мечтал о высотке на Котельнической набережной. Иные гре-

зили о доме Наркомфина. Прочих не отпускала мысль по-пробовать одно из творений маэстро Рерберга. Пришло время исполнения желаний. Старость хороша тем, что ты точно знаешь свою цель и не размениваешься по пустякам.

## 2

Я расскажу вам о трагедии, разыгравшейся в офисном здании на Старопесковском 6/1. Если сейчас рядом с вами есть дети, уведите их. Они не должны этого услышать. В служебном помещении сторож поддерживал спартанскую атмосферу. Голый стол у стены, жесткий стул, в углу железный шкаф. Не было даже занавесок и телевизора. Спать охраннику не полагалось. За годы дежурств он пересмотрел на смартфоне весь мало-мальски годный контент: историю легионов древнего Рима, пятьдесят способов ловли карпа, две тысячи порно-клипов и бессчетное количество трансляций, снятых комбайнерами во время уборки урожая. На сельхозтематике он уже сильно клевал носом. Кофе не помогал – лишь заставлял чаще бегать в туалет. Начальник смены рассказал, что дед, когда работал сторожем, чтобы не заснуть, колот по ночам орехи. Охранник решил попробовать и притащил на работу целый набор инструментов. В ящике его стола поселились: молоток, пассатижи, мультитул и почерневший от времени бабушкин орехокол. В день, когда случилось несчастье, он достал горсть орехов и включил первый попавшийся в трендах ютуба ролик, которым оказалось ток-шоу «Ксю

живьем».

– Добрый вечер, с вами я, Ксения Совчек, и сегодня у меня в гостях генерал-майор ФСБ Федор Гортников, генерал ФСБ Виктор Залесский, полковник ФСБ Иван Тюркин, майор ФСБ Эдуард Теркин и журналист Владимир Гознер. Мы будем говорить о русской идее. Эту тему любезно предложил генерал-майор. – Гортников кивнул. – Но я хотела бы, чтобы первым высказался Владимир Гознер. Владимир, вы много лет прожили в Нью-Йорке и даже хвастались, что можете пройти по нему с закрытыми глазами. А Соединенные Штаты, как известно, не играют в философию, у них нет идеи, у них так называемая мечта. Вы согласны?

– Если вы хотите знать об американской мечте, вам нужно слушать Фрэнка Синатру, – отвечал Гознер. – У него есть замечательная песня: «Я был марионеткой, бедняком, поэтом, пешкой и королем. Черные и белые полосы без конца сменяли друг друга. Но я уверен в одном: сколько бы раз я ни падал лицом вниз, я снова встану и продолжу участие в этой гонке». Американец, как небоскреб, хочет быть выше и готов тратить на это всю жизнь. Его интересуют не капиталы, а возможность продвинуться на самый верх. У жителей России тоже есть мечта. Но в ней определено больше восточного: поехать на дачу, раствориться в природе, окунуться в речку, понюхать сено.

Охранник открыл верхний ящик стола, задумался на несколько секунд и выбрал в качестве инструмента молоток.

Вместе с молотком он достал и тряпицу. Что это за «тряпица» такая, спросите вы. Значит, вы никогда не кололи орех с помощью молотка. Иначе бы догадались, что именно тряпица и есть главный в этом деле инструмент, а молоток можно вообще заменить на что угодно – на гирию, например, или на один из томов Советской энциклопедии. Тряпица по классике должна быть серо-буро-малинового цвета и желательна с оторванным углом.

– Вы согласны с таким мнением? – обратилась Ксю к генерал-майору.

– Как вам сказать... – задумчиво проговорил Гортников и затеребил в руках трость с перламутровым набалдашником. – Возможно, дело в широте души, а не в каких-то восточных корнях. Все началось с того, что расширение границ нашего государства превратилось в вопрос выживания. В Европе маленькие княжества всегда чувствовали себя неплохо, а у России не было шансов выжить, оставшись в виде компактного королевства. Экспансия или смерть – вот как стоял вопрос. И после того как страна достигла непотопляемых размеров, начал особенно цениться руководитель, способный мыслить широко. Иной тип мышления просто перестал быть востребованным. Таким образом, все началось с вопроса безопасности границ, а закончилось приобретением новой национальной черты. Я вам скажу, она иностранцев неизменно восхищает. Дарим ли мы свою шубу или помогаем освободить Сирию – в любом случае с нашей стороны –

это широкий жест. Любим мы доставать из широких штанин.

– Как вы, однако, завернули, – поморщилась Ксения. – Давайте попробуем больше конкретики, не надо опять про душу. Может, вы поможете? – повернулась ведущая к генералу.

Чтобы не заниматься вандализмом, нужно найти прочное основание, которое без последствий выдержит удар. Это, например, подоконник, но, конечно же, не современный пластиковый хлюпик, а толстый, прочный, лучше всего из гранита. Такие были в советских школах довоенной постройки. В особняке на Старопесковском подоконники были деревянные. Поэтому охранник колот орех на углу стола, над местом крепления ножи.

– Меня всегда интересовало настороженное отношение русских к богатству, – заявил Залесский и поправил на шее цветастый шелковый шарфик. – Я бы сказал, у нас некое базовое неприятие личного обогащения, и, возможно, здесь мы найдем ключ к национальной идее. Стоит появиться новости, что какой-то бизнесмен начал строить завод, как люди тут же напрягаются. Но затем кто-то говорит: да он просто бабки украл и скоро свалит. И народ расслабляется: слава Богу, все по-прежнему. Меня сначала это раздражало, но потом я нашел в этой черте свою прелесть. Сами посудите – для душевного равновесия нам не нужен психотерапевт, хватает мысли о том, что все крупные состояния нажиты нечестным путем. Разве это не чудо?

– Видимо, сегодня не мой день, – сказала Ксения. Ее

взгляд обреченно опустился на прозрачный студийный стол. Посреди него на вычурном фиолетовом блюде лежали гроздья винограда, и она принялась устало их перебирать.

Перед тем как расколоть первый орех, охранник с любовью осмотрел молоток. Инструмент был знатный. Не из тех, что продают сегодня в строительных магазинах. Эти черные новоделы с резиновыми ручками являют собой полную бездуховность. Они годятся только для кровельных работ, но такое дело, как удар по ореху, им доверить нельзя. Разбивание грецкой скорлупы тяжелым предметом – способ варварский, вот и инструмент должен выглядеть соответствующим образом. В руках охранника был именно такой – выдавший виды, испещренный щербинами, отполированный сотнями рук, он смотрелся как рукоятка револьвера, которой били Олега Кулика в швейцарском полицейском участке, за то, что он гадил на тротуар возле входа в картинную галерею. Помню, Олег говорил, что, как только увидел эту рукоятку, сразу понял: ей много кого наказывали. Вот таким был этот молоток.

– На вас последняя надежда, – вздохнула Ксения, обратившись к полковнику Тюрькину. – Вы-то хоть прольете нам свет на русскую идею?

– Мы вышли из иконописной традиции Византии, – произнес полковник, и немедленно был перебит.

– Это вообще что?! – Ведущая вытаращила глаза.

– Понимаете, – терпеливо продолжал офицер, – вся эта

западная демократия предполагает того, кто смотрит и действует. У нас таких нет. Слово «зритель» вообще неуместно по отношению к иконе. Икону принято созерцать, это встреча со святым. В иконописных сюжетах движение сведено к минимуму. Любая излишняя активность у наших предков ассоциировалась с бесовским, поэтому на иконе все находится вне времени, словно замерло в одной точке. Там нет земной реальности, а лишь реалии духовного мира. Поэтому и нельзя натягивать на нашу политическую действительность контекст борьбы за власть или там систему сдержек и противовесов. Мы бесконечно далеки от этой суеты. Мы созерцаем вечность, и все, кто мешают нам это делать, становятся нашими врагами или, если угодно, оппозицией.

– Послушайте, но при чем здесь икона! Христианство, если уж на то пошло, так и не укоренилось в России! – возмущенно выкрикнула Ксения. – Еще в XIX веке провели опрос, кто входит в Троицу. Народ отвечал: Богородица и Николай Угодник! А потом и вовсе был советский проект, который христианству чужд.

– Да, – со спокойствием сфинкса продолжал Иван Иванович. – Но была и Великая Отечественная. Надеюсь, вы не забыли? Кто, по вашему мнению, неизвестный солдат? Он принес себя в жертву, чтобы нас спасти. Это наш Иисус.

Ксения принялась отрывать виноградины от веток и нервно складывать их на краю блюда. Ягоды не слушались и скапывались к центру.

Охранник выбрал орех покрупнее, аккуратно завернул его в тряпицу и положил на угол стола. Размахнулся и ударил с оттяжкой. Оттяжка в конце удара – это ключевой момент. Если вы не владеете этим приемом, вы позорно расплющите орех так, что внутри будет сплошная каша из начинки. Вы должны раскрыть внутренности грецкого ореха подобно драгоценной шкатулке. Это требует долгой тренировки. Будете бить слишком мягко, и орех лишь треснет, а если перестараетесь, придется отскрести размазанную молотком мякоть. Учитесь бить с оттяжкой.

– Товарищ майор... – жалобно пробормотала Ксения, но ее слова утонули в развернувшейся дискуссии, которая уже вышла из-под контроля ведущей.

– Я думаю, русским свойственно разнообразие в быту, – вещал полковник. – Вот, смотрите, я вчера вечером был в «Моремании», так всех лангустинов, оказывается, еще в обед раскупили! А третьего дня магаданских креветок было не найти, пришлось брать аргентинские. Вы думаете, это от поставок зависит? Нет! Каждый день фуры одинаковый ассортимент привозят. Это наш характер. Не можем мы каждый день одно и то же. Разнообразие нам подавай! Вот поэтому один день густо, а в другой шаром покати.

Ксения закусил губу и вернулась к строительству пирамиды из виноградин.

– Я вот что добавлю, – вступил в обсуждение генерал. – Почему нам идея нужна? Здесь же все довольно банально.



Европейцам, например, не требуется никаких особых причин, чтобы жить. Погода прекрасная. Виды из окна. Кругом эстетика. Вышел из дома, и радуйся. А в России слишком сурово, чтобы бегать голышом и кричать «Аллилуйя». Здесь глубокий смысл нужен, даже просто чтобы выйти из дома.

– Согласен с вами, товарищ генерал, собственно, потому и негатива так много. Все только и делают, что возмущаются и кидают в страну говном! – вставил свои пять копеек майор.

– В смысле? – спросила Ксения, успев вклиниться между ораторами, и разметала только что возведенную на блюде конструкцию.

– Это элементарно, Ксения, – ответил за майора генерал-полковник. – Все, кто завоевывал Рим, хотели стать римлянами. А все, кто шел на Россию, хотели ее уничтожить. Чтобы любить Рим, все уже внутри человека заготовлено. Да и в Риме все есть: скачки на лошадях, бои в Колизее, термы со шлюхами. Тут и думать некогда, только успевай бегать из бардака в клинику и обратно. А вот чтобы любить Россию, нужна духовная работа, силы надо тратить.

– А я никогда не любил Запад. – Генерал перевел внимание присутствующих на себя. – Знаете, кто такой у них Крампус? Это приятель Санта-Клауса. Он покрыт черной шерстью, у него козлиные рога, раздвоенные копыта и длинный острый язык. Эта тварь пугает непослушных детей и искушает женщин. Занимается всяким непотребством. Когда Крампус находит капризного ребенка, он засовывает его в

мешок и уносит в пещеру, чтобы съесть на рождественский ужин. Вот такой у них Новый год.

– Вы в Европе давно были? – возмутилась Ксения. – Там все в цветное одеты, жестикулируют, кричат что-то друг другу, как живые люди. А русские молчат как прибитые, и к тому же одеты как монахи – все в черном.

– Ксения, русские вовсе не прибитые, они слушают вечность, – вступился за нацию полковник. Остальные чины ФСБ одобрительно закивали.

Охранник развернул тряпицу, и его взору предстала превосходная картина. Орех раскололся идеально – скорлупа треснула на четыре части, начинка была подобна жемчужине в раскрытой раковине.

Ксения начала хватать виноградины и кидать их в гостей, и затынула как умалишенная:

– Мат-перемат, шиворот-навыворот, хухры-мухры, бухты-барахты, калинка-малинка, чижик-пыжик, гоголь-моголь, павлин-мавлин, сорока-воровка, машка-ромашка, сашка-какашка, жадина-говядина турецкий барабан, и ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой...

Офицеры отмахивались от летящих ягод, вяло улыбались и пытались подпевать.

Жесткий треск перфораторов пронзил ночную идиллию каморки сторожа. Он метнулся к окну. «Ох, суки!» Трясущимися инструментами несколько стариков долбили особняк. Сторож схватил дубинку, потянулся за электрошоке-

ром. Вдруг руки ослабли. Потемнело в глазах. Дубинка отскочила под стол с грубым звуком. Тело опустилось на холодную плитку.

Стоны убажжающих себя стариков терзали его, пока дух его не отлетел. Утром клерки из офиса вызвали реанимацию. Но было поздно.

Остановись, случайный прохожий. Планета, замедли ход. Господь, узри эту чудовищную трагедию, эту могилу сторожа на Старопесковском, продырявленную перфораторами и залитую старческой спермой. Горе сторожам! Ибо пришел день гнева для них, и кто теперь сможет укрыться?

### 3

Сторожа погибали один за другим. Их находили в каморках исторических зданий без сознания. Увозили откачивать, но ничем помочь не могли. Даже самые опытные доктора не понимали, в чем проблема, а в медицинских картах писали: «нарушение обмена веществ». А старики ходили по городу, алчно высматривая очередной объект для любовной утехы. Даже те из них, кто раньше перемещался в креслах-каталках только по пыльному паркету своих квартир, выкатились на московские улицы. В карманах они держали силиконовые пещеры удовольствия. Изо рта у них капала слюна вожделения. Говорят, и старухи не сидели без дела. Якобы в санкт-петербургском музее железных дорог группа бабок, вооружившись straponами, продырявила бока несколь-

ких проржавевших дореволюционных паровозов. Впрочем, их быстро поймали, отняли опасные игрушки и выписали штраф.

Вскоре тревогу забили увальни из Архнадзора. Они заметили повреждения исторических построек и заголосили о вандализме, истерично обвиняя в нем городские власти. Мэр был вынужден начать расследование. Полиция арестовала несколько десятков стариков. И сгустились тучи над сектой экскурсоводов. Приуныли они, сели аккумуляторы в их заграничных перфораторах, затупились их сверла. Заплакали самые малодушные из них, и приготвились снова забиться в подполье, чтобы краем глаза смотреть на вожделенные дома и теревить за проеденными молью занавесками свои старческие письки. Но выступили вперед Абрам Григорьевич и ученик его Пудрин, и подняли упавший внутренний стержень и укрепили его многократно, и повели они экскурсоводов к дому градоначальника, и накинулись они на жилище мэра, и не отходили от него всю ночь, и текла сперма рекой по тротуару, и вышел глава столицы и поскользнулся, и грохнулся на плитку и измазался весь. Обступили его старики. Просил он подать руку ему, но никто не протянул ему своей ладони. И взмолился о помощи мэр, обратившись к случайному прохожему. Но проходивший мимо автомобильный журналист злорадно ухмыльнулся, и процедил: «Это тебе за платную парковку». И пошел дальше по своим делам. И за-

плакал тогда мэр, и сломался, и подчинился экскурсоводам.

Тем временем автомобильный журналист добрался до поликлиники и зашел на прием к терапевту.

– Уважаемый Борис Сергеевич, господин доктор... – обратился он к специалисту.

– Господа все на Колыме. Меня лучше называть – товарищ, – осадил его врачеватель.

– Простите. Товарищ доктор, мне кажется, у меня белая горячка.

– С чего вы взяли?

– Разрешите, начну издалека. У меня необычная профессия. В первый день, когда я устроился на работу, меня отправили на презентацию. Там было много бесплатных напитков, и я ушел домой в приподнятом настроении. Потом это повторилось еще раз, еще и еще, и затем я понял, что в этом и состоит моя работа. Сначала я обрадовался, а потом испугался, ведь ничем хорошим это не закончится.

– Что вас, собственно, беспокоит, голубчик? – Доктор скептически посмотрел на визитера.

– Вчера я вернулся в Москву, и сразу к вам.

– Я понимаю.

– Борис Сергеевич, у меня что-то со зрением. Я словно приехал в другой город, не в Москву! Все здания выглядят совершенно странным образом. Они для меня только желтого, серого и розового цвета! Даже Кремль. Я специально ходил на него смотреть, потому что подумал: его-то уж точно

не перекрасят.

– Сколько вас не было в городе? – Врач прищурил глаз.

– Точно сказать не могу. Примерно неделю мы не просыпали в Баден-Бадене на тест-драйве Porsche Macan, потом десять дней бухали в Марокко на презентации Mercedes. Затем PR-менеджеры из Ульяновского завода увезли нас пить в лес где-то под Владимиром... В общем, где-то пару месяцев.

– Ох! – усмехнулся доктор.

– А что случилось?

– Я вам выпишу две бутылки пива. Купите в «Пятерочке».

Она тут рядом.

– А диагноз?

– Идите с Богом. Продолжайте работать.

## **Часть третья**

1

Когда прабабка майора ФСБ Эдуарда Теркина переселилась в мир иной, под ее пружинной кроватью нашли советский артефакт из темно-коричневого картона с клепанными железом углами. Внутри чемодана лежал ржавый наган и пачка денег – пятнадцать тысяч рублей старыми ассигнациями. Коммунистка дотянула до девяносто восьми. На похороны приехали три подруги. После поминок Теркин развез их по домам. Была зима. Одна из них вышла у ближайшего метро, хотя он обещал подбросить до дверей квартиры. «Дальше я сама», – тоном, не терпящим возражений, ска-

зала она. Вторая вышла на шоссе, не дав Теркину въехать во двор своего дома. «Дойду», – твердо отмела предложение проводить старушка. Эдуард десять минут ждал и смотрел, как она медленно идет к подъезду. Третья на окраине города еле вылезла из машины и поковыляла, опираясь на костыль. Теркин попытался взять ее под руку, но в очередной раз получил отлуп: «Не надо!»

Старые коммунистки могли принять помощь только на смертном одре, да и то – от товарищей по партии. Проявление излишней заботы считали оскорблением. Теркин вспоминал о них, когда смотрел из окна Конторы на памятник рыцарю Октябрьской революции. Его вернули на старое место в центре Лубянской площади пять лет назад. Железный Феликс первым показал пример бескорыстного, самоотверженного служения отечеству. Энергии этого примера хватило до 2030 года, и хватит, дай Бог, еще на сотни лет вперед. Мысли о председателе ВЧК приводили Теркина в столь восторженное и пафосное состояние, что он выбивался из рабочего ритма. Поэтому смотреть на монумент старался редко и только в конце трудового дня.

## 2

На Контору свалилось дело, для которого сотрудники не находили приличных слов. Двое мудаков (как выразился генерал Вахрушин) во время трансляции «Прямой линии» спалили электроподстанцию, питающую Останкинскую те-

лебашню. И мало того, что нанесли ущерб критической инфраструктуре, так еще и угробили начало рекламной кампании «Сферы» – крупнейшей экосистемы страны.

Вот уже десять лет как все существующие в России товары и услуги делили между собой два конкурента: «Сфера» и «Индекс». Началось с такси, а закончилось тем, что даже зубные щетки, кофейни и авиакомпании перешли под зонтик одного из двух монстров цифрового бизнеса. Конгломераты делили рынок примерно поровну. У «Сферы» было больше клиентов в провинции и сельских районах. «Индекс» побеждал в крупных городах.

«Сфера» задумала одним дерзким рывком переманить на свою сторону молодых горожан. Под рекламную кампанию, которая должна была стартовать в эфире самого рейтингового шоу страны, был подготовлен пакет выгодных предложений и скидок. Но в этот вечер двум идиотам пришло в голову атаковать электрическую сеть ретранслятора. Этим немедленно воспользовался «Индекс», уже на следующий день он сделал пользователям альтернативные предложения. Теркину предстояло понять, что это было на самом деле: случайное совпадение или криминал в ходе конкурентной борьбы?

Детство и юность майора прошли в спальном районе Москвы. В квартире родителей царил нехитрый советский быт. В прихожей – калошница темно-коричневого цвета, на



кухне – раковина с глубокой ржавой царапиной, в гостиной – сервант с хрустальными бокалами, в спальне – платяной шкаф с дефицитной монгольской кожаной курткой. Ее вместе с Эдиком носил почти весь двор. Друзья выпрашивали ее, чтобы сходить на свидание, которое начиналось с кислого «Жигулевского», пустую бутылку можно было сдать за двадцать копеек обратно в магазин, а заканчивалось сексом на чердаке двенадцатиэтажного дома, где гудит лифтовой механизм и жарко от труб отопления. Эдик берег куртку только от драк с парнями из соседних районов. На драку лучше было надевать телогрейку. Под нее – самодельный панцирь, и железный прут в рукаве. Было в этом что-то от доспехов средневекового рыцаря.

С раннего возраста Теркин предпочитал плотную и конкретную пищу. Устрицу, хоть сахаром облепи, в рот бы не взял. Его любимым блюдом была курица-гриль. Он употреблял ее зимой и летом, днем и ночью. Уже в детском возрасте он прекрасно разбирался, чем отличается курица из уличного фургона от курицы из супермаркета.

Повзрослев, он лишь укрепился в мысли, что лучшего блюда не найти. Если голод напал на него за городом, он останавливался возле первого встречного фудтрака, брал сразу две курицы и сжирал их безо всякого стеснения. Место трапезы напоминало картину Васнецова под названием «После побоища Игоря Святославича с половцами». Все вокруг было закапано жиром и усеяно обглоданными костями с

остатками жил. Откушав, он, умиротворенный, отправлялся домой. Моргал, икал и напевал под нос один из тупых шлягеров, которые так и лезут в голову человека с набитым животом: «Бж-бж-бж, мы просто пчелы...»

Автор должен признаться, что весьма завидует аппетиту и желудку такого рода людей, как майор Теркин. Для автора решительно ничего не значат все генералы и полковники, живущие в Петербурге и Москве. Эти высшие чины, проводящие время в обдумывании, что бы такое поесть завтра и какой бы обед сочинить на послезавтра, и принимающиеся за этот обед не иначе, как отправивши прежде в рот пилюлю. Они глотают устриц, морских пауков и прочих гадов, а потом отправляются лечиться в Карлсбад или на Кавказ. Нет, эти господа никогда не возбуждали зависти. Но майоры, что на одной станции потребуют ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеченную колбасу с луком и потом как ни в чем не бывало садятся за стол в какое хочешь время, и стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами, заедаемая расстегаем или кулебякой с сомовым плесом, так, что вчуже принимает аппетит, – вот эти товарищи точно пользуются завидным даянием неба! Не один генерал пожертвовал бы сию же минуту свой Lexus со всеми дорогими опциями, с тем только, чтобы иметь такой желудок, какой имеет майор средней руки. Но то беда, что ни за какие деньги нельзя приобрести такого желудка, какой бывает у товарища майора.

Макарий отодвинул алюминиевое ограждение и пропустил Аполлинария вперед. Шапка снега соскользнула с баннера, открыв надпись: «Фестиваль городских скульптур 2030».

– Завтра дворникам придется попотеть, – заметил Аполлинарий. Его фиолетовые берцы оставляли глубокие следы в свежих сугробах между рядами зачехленных инсталляций.

– На официальное открытие приедут люди из Министерства культуры. Но мне, если честно, на них наплевать. Друг, я рад, что ты успеешь лицезреть мое творение до отъезда. – Макарий подхватил приятеля под руку и повел к самой масштабной из представленных фигур, продолжая тараторить без усталости. – Я много изучал Энди Уорхола и пришел к выводу, что фактически он создавал иероглифы. Посмотри на его банку кока-колы или суп Кэмпбелл, или на Мэрилин Монро. Это ведь не картины. Он пытался стать автором нового иероглифического письма. Частично ему это удалось. Но, в отличие от Востока, на Западе символы недолговечны. Сегодня банка Кэмпбелл уже ничего не значит, как и Мэрилин. Я не последователь Уорхола, я хочу создавать нечто, подобное тому, что делал Парфюмер, интерактивное, вовлекающее людей, как русский хоровод или ручеек. Так я и пришел к идее курицы. Понимаешь, курица-гриль – это синкретический образ. Она теплая, большая – это отсыл к архетипу русской печки. Она питательная – это очень близко к другому

архетипу, хлебу. Она голая, и в ней есть щель. Печка, хлеб и женщина – эти мощные образы, будучи собранными в единой форме, обладают огромной силой. В некотором смысле я даже рад, что ты уезжаешь. Тебе было бы скучно на официальном открытии. Казенные мероприятия только принижают энергетику. Чиновники, тусовщики... тошнит уже от них. Сейчас все только для тебя!

Художник дернул за шнур. Чехол соскользнул, и гигантская статуя курицы-гриль предстала перед Апполинарием. Сумерки не могли скрыть, с каким мастерством выполнены ее формы. Округлые лоснящиеся бока. Румянец от гриля. Блестящие капельки жира. Генератор ароматов выдавал запах прожаренной корочки, а электрический подогрев делал кожу почти горячей.

## 5

Теркин лично осматривал место вчерашнего происшествия. Кровь охранника на снегу, черный от копоти трансформатор... Почувствовав давление под подошвой, он нагнулся и поднял с земли кусок силикона. «Отрезан неаккуратно, второпях», – отметил майор и положил находку в целлофановый пакет. Это была «финальная часть» картриджа, «тело» которого было обнаружено в стене подстанции.

Подозреваемых взяли в километре от Останкино, когда они садились в такси. Лицо старика было побитым, а молодой смотрел немигающим, безумным взглядом. При них бы-

ла сумка на колесах с немецким аккумуляторным перфоратором и алмазными насадками. Нашли также детальный чертеж внутренностей трансформаторной будки. Старик сразу ушел в несознанку, начал кричать: «Узурпаторы! Верните нам нашу страну!» Таких лозунгов Теркин не слышал лет десять. С молодым было еще хуже. На допросе он заявил, что является членом секты экскурсоводов.

С каждым новым признанием Олега на лбу Теркина увеличивалось количество морщин. Арестованный рассказал, что для победы над сторожами было решено использовать энергию зрителей «Прямой линии». Когда внимание миллионов людей сосредоточено в одной точке, это как лазерный луч, его надо только перенаправить в сторону врага. Ритуальный половой акт был ключевым моментом. Молодой сектант должен был «войти» в трансформаторную будку Останкино во время трансляции программы и кончить на провода.

– Главное было сосредоточиться не на своем оргазме, а на будущем общества экскурсоводов, – признавался Пудрин. – Абрам Григорьевич все продумал. Он обещал, что мы победим сторожей и я смогу соединиться со своими любимыми домиками.

«Ебанный насос», – подумал Теркин, а вслух произнес: – Хорошо, что жив остался.

– Абрам Григорьевич дал мне резиновые калоши, – ответил Олег.

Теркин икнул и отправил психа в камеру.

Когда расследование требовало нестандартного подхода, следователь по особо важным делам прибегал к испытанному методу – выбирал длинный маршрут и безо всякой цели гулял по городу. Размеренная ходьба и свежий воздух расслабляли мозг, и ответ сам собой представал перед внутренним взором. Попытки разобраться с делом экскурсоводов и сторожей не увенчались успехом, и в конце рабочего дня Теркин запланировал максимально длинную из когда-либо совершенных им прогулок. В девять вечера он покинул служебное помещение и двинулся на север.

Путешествие майора началось с Большой Лубянки. Если вы знаете эту улицу, то наверняка согласитесь, что она напоминает концертный зал, в котором непрерывно исполняют нечто вроде торжественной оратории – основную тональность задают здания секретных служб и православные храмы. После Бульварного кольца на Сретенке уже другой мир. Начинаются заведения со всяческими вкусными соблазнами. Теркин частенько заходил в «Макдоналдс» у станции метро «Сухаревская». Любил взять пирожок с вишней и стакан черного чая. Пирожок царапает десны и ранит обветренные губы. Грубый, горячий. Пахнет содой и крахмалом. Такой живой! Сколько раз Теркин пытался съесть его так, чтобы не испачкать руки и одежду, и сколько раз это не удавалось. Чуть агрессивнее куснешь, и начинка выдавливается

где-то сбоку или, хуже всего, снизу и капает на пиджак. Много лет он приучал себя кусать осторожно, нежно, аккуратно и порой даже ювелирно.

О московский фастфуд! Приходилось ли тебе, дорогой читатель, выбирать между картошкой-фри и деревенским картофелем? Фри бледная и худосочная, словно модель на подиуме, однако при этом дерзко выпирает из коробки. Деревенская плотненькая и загорелая, как Дуняша. Что есть фри, как не сборище бездушных параллелепипедов? Почему же она столь популярна? Очевидно, многим хочется изящности, красивой геометрии и прямоты форм. Это притягивает. Но фри быстро остывает и за считанные минуты превращается в покойника на столе. Деревенская всегда горячее. Ее страсть длится дольше. Ты откусываешь кусочек деревенской, а она дымится и пахнет копченым, словно печеная в костре. К ней хорошо подходит соус барбекю. Иногда для разнообразия можно взять и горчичный (карри, к сожалению, уже не подают).

Впрочем, и без картошки есть чем полакомиться. Хороший филе-о-фиш начинается с правильной булки. Это как дом, который зиждется на прочном фундаменте. Сверху ровное квадратненькое филе, словно вывалялось в песочке с пляжа, на нем расплавленный сыр, слой огурчиков, соус капельками на листьях салата. (Примечание. Действие происходит в 2030-м году, и тогда, по мнению автора, филе-о-фиш уже будет с салатом и огурцами. Имея врожденный дар про-

видения, автор оперирует не умозрительными конструкциями, а точным знанием будущего.)

Фастфуд дает нам возможность есть руками. Так мы острее чувствуем связь с поглощаемым. Берешь это сочный бургер, сжимаешь булки, приближаешь ко рту. Рот открываешь пошире, впиваешься зубами, и соус мажет губы и щеки. Это не тот случай, когда можно думать о приличиях. Сюда приходишь как в свингер-клуб.

Запивать колой? Наслаждаться ли игрой пузыриков во рту? Конечно! От сладкой газировки остается ощущение, будто бы тобой манипулируют. Кола не утоляет жажду. Только дразнит. Момент насыщения все время отодвигается. Ты как крыса с электродами в мозгу, которая постоянно жмет и жмет на кнопку.

Хочешь развлечься? Закажи глясе вместе с картошкой. Под крышечкой кофейного стакана будет плавать кусок мороженого, похожий на айсберг, и оставлять за собой нежнейшую пенку, гораздо более вкусную, чем вспененное молоко для капучино. Когда подносишь эту пенку к губам, она нежно касается их, и ваниль сладостно растекается по рецепторам. Пока мороженое еще торчит из стакана, ты берешь самый длинный ломтик картофеля и цепляешь им макушечку «айсберга». Если ты не считаешь ворон, то успеешь таким образом съесть не менее трех ломтиков. Опытные гурманы, чтобы продлить удовольствие, еще на кассе просят не закрывать глясе крышкой – чтобы мороженое медленнее та-



яло.

7

Пробравшись под Садовым кольцом по подземному переходу к началу Проспекта Мира, оказываешься среди шума, ветра и широких пространств. Следом попадаешь к Аптекарскому огороду, где уютный фудкорт. Дальше возле метро книжный магазин, где прямо среди полок с книгами, вообразите, можно отведать большую порцию фо бо. За метро «Проспект мира» начинаются бани. Справа Астраханские. Слева Ржевские. Теркин умел выбирать заведения, где организм прогревается до самых костей. Он ценил этот ритуал.

Чтобы попасть в парилку Ржевских или Астраханских бань, надо иметь определенную сноровку. А чтобы в самый разгар процедуры не сбежать, понадобится еще и сила воли и недюжинная выносливость. Начинается с того, что в парной закрываются несколько опытных людей, чтобы приготовить хороший пар. А снаружи скапливается толпа жаждущих вкусить банного удовольствия. Когда пар готов, толпа врывается внутрь. Тем, кто в первых рядах, гарантировано лежачее место. Остальные стоят на задворках. В центр помоста выходит мастер, огромным веником достает сверху раскаленные слои пара и отправляет их на спины. Порой накал так силен, что боишься поджариться и суетливо крутишься с боку на бок. Теркин уважал сие таинство. А вот всяческие СПА-комплексы с их ленивыми хамами и полусонными шезлонгами были ему не по душе. Разве там по-настоящему?

Макарий нажал кнопку, и в брюхе курицы открылась дверь, за которой выполз трап со ступеньками.

– Залезай, посидим, выпьем кофе, – пригласил он Апполинария.

Дверь за коллегами закрылась, трап убрался. Внутренности скульптуры были из белого пластика. По центру помещения стоял столик и два барных стула с мягкими сиденьями. От ярко-белого глянца стен в глазах замерцало.

– Я специально попросил сделать здесь нечто вроде рая. Чтобы ни малейшей тени, – сказал художник. – Это ведь тоже образ. Снаружи мы все как курицы, а внутри как божества. Ты не замечал? – Собеседник пожал плечами. – Я жил пару лет в коммунальной квартире. Соседками были две вульгарные бабищи. Ну, ты знаешь эту классику Инстаграма: огромные ресницы, откляченный зад, лосины. Вели себя грубо, мерзко, как хабалки из кальянной. Но внутри, в душе, просто ангелы. Белые-белые, чистые-чистые. Уверен, мы все такие. Хочешь кофе?

Макарий открыл шкафчик, достал электрический чайник, две чашки, френч-пресс и пакет молотых зерен.

– Терпеть не могу кофемашины. В них настой получается грубым, резким, жестким. Только бьет по рецепторам, и больше ничего. А что еще ждать от пара под давлением? Он выжигает ароматические масла и только экстрагирует кофе-

ин. Поэтому все и пьют капучино. Молоко смягчает. Если у тебя есть хорошие зерна, готовь их только альтернативным способом. Правда, не всякая альтернатива хороша. Вот, скажем, аэропресс натурально похож на шприц. Когда смотришь на него, аж передергивает. Не переношу медицинских ассоциаций. Или возьми сифон. В нем готовить так долго, что уже никакого удовольствия. Спектакль, а не кофейная пауза. А френч-пресс безупречен. Просто, быстро и со вкусом. За это его и люблю.

Художник положил во френч-пресс несколько ложек молотого и залил кипятком. Кофе получился приятного эбонитового цвета. По комнате разнесся аромат арахиса и ванили.

## 9

Теркин вошел на Крестовский мост, скользнул взглядом по гаражам справа внизу и заметил несколько свежих граффити. Все они представляли собой надпись: «Fuck Sfera». Майор перевел взгляд налево и залюбовался далеким силуэтом Останкинской башни. Она уже питалась от резервной электросети. Ласкающая взгляд москвича иллюминация смешивалась с зимним туманом и испарениями от железнодорожных путей, что в огромном количестве пролегали под мостом.

Возле метро Алексеевская Теркин ощутил, что настало время подкрепиться. Потемневший трактир принял Эдуарда под свой гостеприимный навес на деревянных выточенных

столбиках, похожих на старинные церковные подсвечники. Трактир был чем-то вроде русской избы, несколько в большем размере. Резные узорочные карнизы из свежего дерева вокруг окон. Темные стены. На ставнях нарисованы кувшины с цветами. Взобравшись узенькой деревянной лестницей наверх, в широкие сени, он встретил отворявшуюся со скрипом дверь и толстую старуху в пестрых ситцах, проговорившую: «Сюда пожалуйста!» В комнате старые приятели, попадающиеся всякому в деревянных трактирах, каких немало выстроено по дорогам, а именно: заиндевевший самовар, треугольный шкаф с чайниками и чашками в углу, фарфоровые вызолоченные яички перед образами, висевшие на голубых и красных ленточках, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку. Наконец, натканые пучками душистые травы и гвоздики у образов, высохшие до такой степени, что желавший их понюхать только чихал, и больше ничего.

А за соседним столом в это время идет ленивый разговор, и можно, вытерев салфеткой губы и откинувшись на спинку дивана, подслушать.

– Представь, недавно останкинским сторожам, которые башню караулят, какие-то старики дали пизды.

– Ты, кстати, в курсе, что это значит?

– В смысле?

– Когда-то давно собирались парни в соседнее село на блядки, а когда вернулись избитые, над ними вся деревня

потешалась. Типа: че, дали вам пизды? Ха-ха-ха! С тех пор фраза и прижилась.

– А ты откуда знаешь?

– Я филолог.

10

– В последнее время я пристрастился к Коста-Рике. Как же он прекрасен! Что за дивный сорт! По вкусу от хорошего стаута не отличить. Превосходная кислинка. Но сегодня мы попробуем Боливию. Он по букету ближе к компоту. Знаешь, к такому хорошему школьному компотику. Но при этом у него довольно горечи в послевкусии, – рассуждал Макарий, разливая по чашкам напитков. – Народ в обычных кофейнях этого не понимает. Они все время спешат куда-то. Разве можно дегустировать на бегу?

Курица дернулась, и капля кофе попала художнику на куртку. Апполинарий поднял недоуменный взгляд на Макария. Оба посмотрели на стену.

– Чувствую, нечто значимое для искусства должно случиться сегодня, – с тихим восторгом сказал художник.

Помещение дернулось еще раз и затем стало ритмично подрагивать.

– У меня предчувствие волшебства. Ты веришь в чудо? Пошли!

Макарий нажал на кнопку, дверь открылась и выехал трап. Приятели вышли на улицу.

На горизонте показалась скульптура «Рабочий и колхозница». Она мелькнула между дорожных указателей, повисших над Проспектом Мира. Приблизившись к цели своей прогулки, майор ускорил шаг. Левое крыло главного входа Выставки Достижений Народного Хозяйства встретило его очередным граффити «Fuck Sfera». Взгляд следователя зацепился за буквы. Он рассмотрел их подробно. Сначала ему показалось, что рисовали обиженные клиенты, но затем усомнился. Пальцем он отковырял от буквы «е» кусок прилипшей бумаги. Разве хулиганы пользуются одноразовыми трафаретами? Это похоже на работу профессионалов. Насолить конкуренту с помощью граффити? Метод не для джентльменов. Тогда что мешает использовать двух умалишенных для срыва рекламной кампании? Похоже, ответ на главный вопрос сегодняшнего дня найден, можно ехать домой.

Но интуиция подсказывала майору, что торопиться не стоит. Эдуард прошел между колонн главного входа ВДНХ, и его глазам явилась шестиметровая курица-гриль. Дыхание следователя остановилось. Натуральность ее была безукоризненной. Капельки, выполненные из силикона, иллюзорно стекали на асфальт. Кожа блестела, словно только что из духовки. Он приблизился и коснулся рукой. Поверхность теплая, почти горячая. Пошевелил ноздрями. Ошибки быть не могло, от скульптуры пахло топленным куриным жиром и

чесноком. «Что такое? Как же так? Откуда?» – заметались его мысли.

О читатель, встречался ли ты со своей мечтой: вот так – лицом к лицу? Нюхал ли ты ее, трогал ли руками, пожирал ли взглядом? Не на экране смартфона, а во плоти. Можешь ли ты понять Теркина? Он обнял курицу и прислонился к ней щекой. «Что я делаю?» – спросил он себя. Пальцы начали замерзать. Посмотрел на часы, прошло десять минут. Эдуард обошел скульптуру вокруг. На бедре курицы он заметил круглую пластиковую заглушку, располагавшуюся на высоте его паха. Майор вынул ее, посмотрел. Внутри было что-то похожее на короб вентиляции. «Что я все-таки делаю?» – спросил он себя еще раз. Поставил заглушку на место и направился к выходу. Впечатлений на сегодняшний день было достаточно. Пора спать.

Такси прибыло быстро. Теркин сел на заднее сиденье, откинулся на спинку и закрыл глаза, с намерением разлепить их уже возле дома. Однако через пару минут водитель слишком сильно ударил по тормозам. Кузов дернулся, майор поднял веки.

– Извините, – попросил прощения таксист. – Светофор.

Красный горел долго, не переключаясь. Краем глаза Теркин уловил, как мигает что-то с боку. Повернув голову, прочитал вывеску: «Интим-24».

– Погодь, – остановил он таксиста за мгновение перед тем, как зажегся желтый.

Покинув чрево курицы, художники обнаружили мужчину средних лет. Его руки обнимали самую сочную часть скульптуры. Брюки были расстегнуты. Неровное дыхание прерывалось низкими сдержанными стонами.

– Я же говорю! – воскликнул Макарий. – Я вышел на уровень Парфюмера!

– Кто здесь?! – дернулся Теркин, совершенно не ожидавший в такой момент чьего-либо присутствия.

– Простите, могу я узнать, кто вы? Я автор этой инсталляции, и для меня большая честь... – начал художник.

Теркин резко вынул из кармана раскрытое удостоверение.

– Майор ФСБ? – прочитал художник и в восхищении вскинул брови.

Его приятель, напротив, возмутился.

– Как вы смеете! – закричал он.

– Никаких проблем, – перебил коллегу Макарий и, взяв за локоть, повел в сторону выхода. – Апполинарий, только подумай: официальное открытие завтра, а уже сегодня мою курицу ебет майор ФСБ. Это шедеврально!

После соития с курицей майор пребывал в двойственном состоянии. Сладость, чувство исполненного долга, неловкость и стыд, не борясь друг с другом, разгуливали по его



внутреннему пространству. Несколько минут он простоял со спущенными штанами и удостоверением в руке. Затем начал раскладывать случившееся по полочкам. Сначала, подчинившись странному, но непреодолимому импульсу, он покинул такси и зашел в секс-шоп. Там, сославшись на необходимость подарка для несуществующего приятеля, у которого якобы день рождения, купил одну из искусственных женских «пещерок». Потом вернулся на ВДНХ. В голове была мысль, что это нечто вроде следственного эксперимента, и он просто посмотрит, как преступники пользовались этой незатейливой секс-игрушкой в применении к стационарным объектам городской застройки. А после, когда его страсть оказалась удовлетворена, появились эти незнакомцы. И он зачем-то показал им свое удостоверение. Конфуз. Правда, удостоверение подействовало нужным образом – незнакомцы быстро ушли. По итогу катастрофы не случилось. Теперь надо только прибрать за собой. Двумя пальцами Теркин вынул из бедра скульптуры картридж, испачканный продуктом его неожиданной страсти, и донес до ближайшей урны. Siliconовое изделие шлепнуло о пустое ведро. Рука была вытерта о внутренности кармана. Фонари на аллеях ВДНХ погасли, и никто из москвичей не видел, как майор, только что переживший любовный акт с курицей-гриль, удалялся в сторону главного входа. Стыд и растерянность исчезли, и на лице его отражалось одно только счастье.

## Эпилог

На последнем этаже офиса «Индекса», в кабинете с панорамным остеклением беседовали двое: мужчина лет семидесяти, в рубашке с бело-синими полосками, и дама в деловом костюме, с пучком седых волос на затылке.

– Капитолина Адольфовна, вы просто волшебник! – с довольной улыбкой сказал Волос и пододвинул ей по столу конверт. – Здесь все, как вы хотели. На трех разных карточках.

Собеседница ловко подхватила гонорар и положила в сумочку. Ее лицо выражало полную непринужденность. Похоже, мысленно она уже тратила полученные деньги на тропических островах.

– Я ведь долго терпел, – произнес Волос, обращаясь словно бы в воздух. – Сначала они переманили половину моих лучших сотрудников. Разворошили отдел девайсов, угнали инженеров по беспилотникам, забрали даже менеджеров по классифайду!

Он встал из-за стола и подошел к окну. Он купил землю под строительство офиса на Ленинских горах в то время, когда они со «Сферой» были партнерами по многим проектам. Судьба посмеялась над ним: теперь из его кабинета в любую погоду было прекрасно видно логово врага, располагавшееся на улице Вавилова. Волос скривил рот.

– Мерзавец этот Клеф. Ладно бы куковал в своей провинции. Обслуживал бы комбайнеров. Так нет, полез в города. Решил выкинуть меня с рынка. Думал, я сдамся, как Пинь-

ков, и в монастырь уйду, мантры читать.

Успокоившись, Волос вернулся за стол.

– Я в это дело не вникал, да и не горю желанием, – обратился он уже непосредственно к своей собеседнице. – Но мне не хотелось бы, чтобы наши, так сказать, куклы, пострадали. Для них, как вы и обещали, никаких серьезных последствий?

– Через неделю и не вспомнят, что с ними было. А следствию придется признать, что те действовали в состоянии аффекта.

– М-да... кто бы знал, что с помощью голосового помощника можно за одну ночь надиктовать людям совершенно бредовую личную историю и заставить их поверить в совершеннейшую чушь, – искренне восхитился Волос.

Последние его слова потонули в сигнале входящего звонка на смартфоне. Номер не определился.

– Слушаю, – поднял трубку владелец Индекса. – Кто это? Какой Теркин?